

*Порой мы
не верим,
что способны
одержать
победу в самых
важных
битвах.*

ПЕСНЬ Давида

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ЭМИ ХАРМОН

Young Adult. Лучшая проза Эми Хармон

Эми Хармон
Песнь Давида

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хармон Э.

Песнь Давида / Э. Хармон — «Эксмо», 2015 — (Young Adult.
Лучшая проза Эми Хармон)

ISBN 978-5-04-112400-7

Я выиграл свой первый бой, когда мне было одиннадцать. Борьба – это самая чистая и настоящая вещь на свете. Одна подобна небесам. Некоторые люди описывают рай как море бесконечной белизны. Но для меня он был чем-то иным. Ринг был для меня раем. Пока я не встретил Милли. С ней я изменился. Я понял, что люблю эту девушку, когда увидел ее хрупкую фигуру среди толпы. Милли совершенно неподвижно стояла в центре переполненной комнаты, но никто не замечал ее. Но она стала первой, кого увидел я. Мой рай был рингом, а она – моим ангелом. Милли стала девушкой, за которую я хотел бороться. Именно она научила меня, что часто самые большие герои остаются незамеченными, а самые важные битвы – это те, победу в которых сложно представить.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112400-7

© Хармон Э., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эми Хармон Песнь Давида

Amy Harmon

THE SONG OF DAVID

Copyright © 2015 by Amy Harmon Cover design by Hang Le

В коллаже во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© crwpitman / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Харченко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Эми Хармон удивительная! У нее получилось чрезвычайно трогательно напомнить читателям, что за любовь нужно бороться. Всегда».

Amazon.com

* * *

Борцам:

Коди Кларку

Стефани Томас

Ричарду Стоуэллу

Николь Расмуссен

и всем, кто борется вместе с ними.

Доколе, Господи, будешь забывать меня до конца? Доколе будешь отвращать лицо Твоё от меня? Доколе мне слагать советы в душе моей, скорби – в сердце моём день и ночь? Доколе будет возноситься мой враг надо мной? Взгляни, услышь меня, Господи, Боже мой, просвети очи мои, да не усну я смертным сном, да не скажет враг мой: «Я укрепился против него»¹.

---

¹ Толкование Архиепископа Иринейя псалма Давида.

Пролог

Моисей

Прошлым утром мне позвонила Милли и рассказала, что Таг исчез. Она понятия не имеет, где его искать, да и в любом случае не смогла бы отправиться на его поиски. Таг об этом прекрасно знает, но подобное поведение не в его стиле. Он никогда не был жестоким.

Когда я познакомился с Милли, то сразу же понял, что Таг нашел человека, который сможет утихомирить и сдержать его порывы. Она с радостью распутает все узлы и заставит его притормозить, а в ответ он будет любить ее так, как может только он. Их будто свела сама судьба, хоть я и не верю в подобную чушь. Наверное, это несколько странно, учитывая, что я узнал и повидал в своей жизни, но из-за того, что мы еще очень многого не понимаем в этом мире, я с неохотой предаюсь иллюзиям о предопределении, судьбе и людском предназначении. Говорить, что нам что-то суждено, значит, уходить от ответственности. Так люди оправдывают собственные оплошности или не самые приятные «подарки» жизни. То, что нам суждено, нельзя контролировать, нельзя спровоцировать – подобные вещи случаются независимо от того, кто или что мы есть. Как закаты, снегопады и стихийные бедствия. Я никогда не верил, что нам суждены тяготы и страдания. Никогда не верил, что некоторые отношения предопределены судьбой. В основном мы сами выбираем свою судьбу. Мы создаем, делаем ошибки, сжигаем мосты и строим новые.

Но Таг другой. *Он* уготован судьбой. Он смерч, торнадо, которое невозможно контролировать. Таг сбивает нас с ног и затягивает внутрь, но, в отличие от стихийного бедствия, никогда не отпускает. Никогда не дает уйти. Как вдруг, без всякого предупреждения, он ушел. Отпустил.

Три года назад мы с Тагом вернулись в Солт-Лейк-Сити и обжились там. Поначалу я беспокоился, что он не сможет остепениться и мне придется его отпустить. Он всегда был неуслуживым, беспокойным, и ему быстро все наскучивало. Когда проводишь почти шесть лет в путешествиях по миру, это входит в привычку. Постоянное движение, скорость, свобода. После такого трудно подолгу оставаться на одном месте. Но ему удалось. Нам обоим. Мы сбежали как потерянные мальчишки, ищущие Неверленд, и каким-то образом вернулись мужчинами.

Таг угнездился и построил под себя целый квартал – маленький мир, который предоставлял убежище всем, кого он привлек и взял под свою опеку по пути. Я создал себе репутацию, нарастил клиентуру, чуть не погиб, в конечном итоге наладил отношения с Джорджией и даже убедил ее выйти за меня замуж. Шесть месяцев назад у нас родилась дочь Кэтлин. Таг расплакался, когда впервые взял ее на руки, и ему было совершенно наплевать, что он должен поддерживать образ крутого парня. Он выглядел таким счастливым... В гармонии с собой.

А теперь, по какой-то необъяснимой причине, он ушел.

Покинул Милли. Покинул «Команду Тага», свой бизнес, планы на титульный бой, все. Он покинул меня. И ничто из этого не имеет смысла. Если и были какие-то предвещания, то я их не увидел. А ведь я тот парень, который должен замечать то, чего не могут остальные. Меня зовут Моисей Райт – медиум, художник, лучший друг, – и я не заметил признаков.

Глава 1

Моисей

Таг не оставил записки, и в его доме было чисто. Более чем чисто – все вещи собраны по коробкам и увезены, к окну приклеена табличка о продаже. Таг едва ли чистюля – маленький недостаток, над которым ему пришлось бы поработать, если бы к нему переехала Милли. Очевидно, что к нему приходила уборщица, но, когда я ей позвонил, она ничего не смогла мне рассказать. Никто ничего не знает. Таг никому не говорил, что собирается уехать. Его дом выставлен на продажу, машины нет. Его самого нет. И он не оставил новый адрес.

Но в его тренажерном зале нашелся конверт с именем Милли. Внутри были ключи – от ее входной двери, от тренировочного помещения, еще один от бара, а также от шкафа с документами в его кабинете. Прошло много времени, но в конечном итоге нам удалось подобрать ключи к их замкам. У меня не возникло впечатления, что Таг отправлял нас в бессмысленную погоню. Это тоже не в его стиле. Он просто не хотел, чтобы мы нашли его. И это пугало меня до чертиков.

В верхнем ящике серого шкафа обнаружилась коробка из-под обуви, наполненная кассетами. На них была бугристая наклейка с именем Тага и номером. Также в коробке был маленький кассетник – знаете, такой с кнопками сбоку и динамиком, занимающим большую часть, еще немного похож на рояль.

Когда я спросил Милли, знает ли она, что это за кассеты, она удивленно провела по ним пальцами и кивнула:

– Должно быть, ему отдал их мой брат Генри. В его комнате еще с незапамятных времен стоял кассетник. Раньше Генри частенько представлял себя спортивным журналистом и записывал собственные репортажи: смотрел матчи нашего отца и комментировал их, как какой-нибудь Боб Костас. Перед смертью мама купила ему диктофон, но у Генри дурацкая привычка ничего не выкидывать. Наверное, он отдал их Тагу.

Тагу нравится все, что можно потрогать. В этом они с Милли похожи. Ей нужно осязать, чтобы видеть. Ему – чтобы наладить связь. Я так и представлял, как он ставил кассеты и болтал целую вечность, прежде чем наконец подобраться к сути. Травил байки и смеялся, будто все это одна большая шутка. Я попытался разозлиться, но в то же время понимал: на самом деле Таг оставил кассеты, потому что только так он мог передать послание Милли. Только так он мог позволить ей выслушать его без зрителей.

– Ты же знаешь, как им пользоваться? – спросил я.

Она кивнула:

– Кажется, они для тебя, Милли.

– Он пронумеровал кассеты, – прошептала она. – Чтобы я знала, какую слушать первой.

– Ты про бугристые наклейки?

Милли снова кивнула.

– Да. Я обклеила ими всю свою одежду и храню их в коробочке в спальне. С цифрами, буквами, словами. Видимо, он обратил на это внимание, когда я показывала свою комнату.

– Таг всегда внимателен. Его неутомимость всех вводит в заблуждение. Он суетливый, но ничего не упускает.

Нижняя губа Милли задрожала, и с ее ресниц стекли слезы. Я отвернулся, хоть в этом и не было необходимости.

Я услышал, как она возится с кассетой, ставит ее в кассетник и нажимает кнопку, чтобы прослушать. Внезапно тишину наполнил голос Тага, и я вздрогнул и в то же время улыбнулся, разрываясь между злостью на него и глубокой обеспокоенностью. Как бы там ни было, вряд ли Таг хотел, чтобы я слушал его речь для Милли, так что я открыл дверь из кабинета, готовясь уйти и оставить ее наедине. Кассетник тут же щелкнул, обрывая рассказ Тага о его баре. Я и так знал о его бизнесе во всех подробностях и не нуждался в повторении. Но у Милли были свои мысли на этот счет.

– Моисей? Пожалуйста, не уходи. Я хочу, чтобы ты послушал вместе со мной. Ты знаешь его лучше всех – так, как хотела бы узнать его я. И ты тоже его любишь. Прошу, послушай вместе со мной, чтобы я ничего не упустила. А затем я хочу, чтобы ты помог мне найти его.

* * *

Я познакомился с Давидом Таггертом в психиатрическом отделении, когда мне было восемнадцать. Если точнее, в Психиатрической клинике Монтлейк. Я встретился с ним взглядом, сидя в кругу на терапии, увидел его мертвую сестру, маячившую за его плечом, и спросил, знает ли он Молли. Так ее звали. Его мертвую сестру. Таг мгновенно пришел в ярость и кинулся через весь круг, чтобы сбить меня на пол. Его руки сомкнулись на моей шее и выжимали из меня ответы, пока санитары не стащили его.

Не самое многообещающее начало крепкой дружбы.

Мы оказались в клинике по разным причинам. Меня отправили туда люди, которые боялись меня, а Тага – люди, которые любили его. Я видел мертвых, а он хотел умереть. Мы были юными, одинокими, потерянными, и я не хотел, чтобы меня нашли. Мне хотелось сбежать на край земли – и пусть мертвые сами попробуют угнаться за мной.

Таг просто хотел разобраться в этом мире.

Может, дело было в нашей молодости. Или же в том факте, что мы оба очутились в психиатрическом учреждении, но ни один из нас не горел желанием из него выходить. Или же в том, что Таг со своим деревенским говором и повадками ковбоя был моей полной противоположностью. Какой бы ни была причина, мы сдружились. Может, потому, что он поверил мне. Без колебаний. Без оговорок. Без осуждений. Просто поверил. И никогда не прекращал.

После той стычки на сеансе психотерапии нас изолировали на три дня, запретив выходить из комнат. На третий день Таг юрком проскользнул в мою палату и закрыл дверь.

Я настороженно на него посмотрел. Мне-то казалось, что дверь была заперта. Я даже не пытался ее открыть. И как дурак просидел в комнате с открытой дверью целых три дня.

– Коридор обходят всего раз в несколько минут. Проще пареной репы! Мне стоило прийти раньше, – сказал он, садясь на мою кровать. – Я, кстати, Давид Таггерт. Но ты можешь звать меня Таг.

Он не извинялся за попытку задушить меня и, к моему легкому разочарованию, явно не планировал снова устраивать драку.

В таком случае его присутствие нежелательно. Я тут же вернулся к своему рисунку, ощущая присутствие Молли прямо за стеной воды, ее силуэт мелькал за водопадами. Я тяжело вздохнул. Эта девчонка меня уже утомила. А ее брат и подавно. Они оба были невероятно упрямыми и надоедливыми.

– Ты сумасшедший сукин сын, – заявил Таг без всяких преамбул.

Я даже не поднял голову от рисунка, который набрасывал крошечным карандашом. Мои запасы заканчивались слишком быстро, как бы я ни пытался их растянуть.

– Все так говорят, верно? Что ты сумасшедший. Но я на это не куплюсь, чувак. По крайней мере, теперь. Ты не безумец, у тебя дар. Безумный дар.

– Безумный. Сумасшедший. Разве это не одно и то же? – пробормотал я. Безумие и гениальность шли рука об руку. Мне даже стало любопытно, о каком даре он толкует. Он не видел моих картин.

– Не-е, чувак. Безумцам здесь и место. А тебе нет.

– Я так не думаю.

Он удивленно рассмеялся.

– Ты считаешь себя сумасшедшим?

– Я считаю себя ломким.

Таг недоуменно наклонил голову, но, когда я не предоставил дальнейших объяснений, кивнул:

– Ладно, пускай так. Может, мы все ломкие. Или разбитые. Уж я так точно.

– Почему? – невольно поинтересовался я. Молли снова замаячила передо мной, и я начал рисовать быстрее, беспомощно заполняя страницу альбома ее лицом.

– Моя сестра пропала. И это моя вина. Пока я не узнаю, что с ней произошло, то не смогу вновь почувствовать себя целым. Я буду навеки разбитым.

Под конец он заговорил так тихо, что я засомневался, предназначались ли мне эти слова.

– Это твоя сестра? – неохотно спросил я, поднимая альбом.

Таг уставился на нее. Затем встал. Снова сел. И в конце концов кивнул.

– Да, – выдавил он. – Это она.

И все мне рассказал.

Оказывается, отец Давида Таггерта техасский нефтяник, который всегда мечтал быть фермером. Когда Таг начал напиваться каждую неделю и попадать в неприятности, его отец вышел на пенсию, продал свою долю за миллионы и, помимо всего прочего, купил пятьдесят акров земли в округе Санпит, Юта, откуда была родом его жена, и переехал туда вместе со всей семьей. Он был уверен: если увезти Тага и его старшую сестру Молли подальше от бывшего круга общения, то вскоре они возьмутся за ум.

Но, вместо того чтобы образумиться, дети начали бунтовать. Молли сбежала, и о ней больше никогда не слышали. Таг пытался бросить пить, но когда он был трезв, то захлебывался чувством вины, и в конечном итоге попытался убить себя. Несколько раз. Так он и оказался в психушке вместе со мной.

Я ждал, позволяя ему выговориться. У меня было не больше сведений о ее смерти, чем у него. Усопшие хотели поделиться своей жизнью. А смертью – никогда. Когда Таг закончил свой рассказ, то взглянул на меня исполненными грустью глазами:

– Она мертва, не так ли? Раз ты видишь ее, значит, она мертва.

Я кивнул, и он принял мой ответ без возражений. Его голова поникла, а мое уважение к нему возросло. Поэтому я показал ему то же, что показывала мне Молли, перерисовывая образы из своей головы.

Он поведал обо мне своему отцу. И по какой-то причине – отчаяние, уныние или же просто желание успокоить своего настойчивого сына – Давид Таггерт-старший нанял человека с собаками-ищейками, чтобы обыскать местность, которую описал Таг. Они быстро вышли на след и обнаружили ее труп. Вот так просто. В неглубокой могиле, заваленной камнями и мусором, в сорока метрах от того места, где я нарисовал ее улыбающееся лицо, нашли останки Молли Таггерт.

Рассказывая мне об этом, Таг расплакался. Его плечи сотрясались от громких, душераздирающих всхлипов, и мой живот болезненно сжался. Я впервые сделал нечто подобное. Помог человеку. Нашел человека. Впервые мои способности, если их можно так назвать, обрели хоть какой-то смысл. Но на этом вопросы Тага не закончились.

Одной ночью, после того как выключили свет, он незаметно прокрался по коридору и заявился ко мне без приглашений, как всегда, в поисках ответов, которые не мог дать ему никто

из персонала, зато, как он считал, мог дать я. Таг часто улыбался и не раздумывал подолгу. Быстро заводился и быстро прощал. Он никогда не ограничивался полумерами, и порой я гадал: а не будет ли лучше, если он останется в больнице? Тут хотя бы сдерживали его порывы. Но у него была и сентиментальная сторона.

– Если я умру, что со мной будет?

– Почему ты думаешь, что умрешь? – спросил я в стиле нашего доктора.

– Моисей, я попал сюда, потому что пытался убить себя несколько раз.

– Да, я знаю, – я показал на длинный шрам на его руке. Не трудно было догадаться. – А я попал сюда потому, что рисую мертвых и пугаю до усрачки живых.

Таг усмехнулся.

– Да, я знаю, – он тоже меня раскусил, но его улыбка быстро померкла. – Когда я не пью, жизнь просто давит на меня до тех пор, пока я не могу ясно мыслить. Так было не всегда. Но сейчас моя жизнь – полный отстой, Моисей.

– Ты по-прежнему хочешь умереть? – сменил я тему.

– Зависит от того, что будет дальше.

– Что-то да будет, – просто ответил я. – Это все, что я могу тебе рассказать. Но твое существование не оборвется на смерти.

– И ты видишь, что нас ждет?

– В смысле? – Я не видел будущего, если он это имел в виду.

– Ты видишь тот свет?

– Нет. Я вижу только то, что они хотят мне показать.

– Они? Кто «они»?

– Любой, кто явится ко мне, – я пожал плечами.

– Они шепчут тебе? Разговаривают с тобой? – Таг тоже перешел на шепот, словно мы обсуждали что-то священное.

– Нет, они ничего не говорят. Только показывают мне разные образы.

Таг вздрогнул и потер затылок, будто пытался стереть мурашки, выступившие на его коже.

– Ты видишь их воспоминания?! Каждого из них? Всю их жизнь?

– Иногда кажется, что да. Это целый поток красок и мыслей, обрушивающийся на меня с невообразимой скоростью, а я улавливаю лишь случайные обрывки. И я вижу лишь то, что могу понять. Уверен, они бы с радостью показали мне больше, но это нелегко. Все очень субъективно. Обычно я вижу лишь фрагменты, но не картину целиком. Со временем я научился их фильтровать, и теперь это больше похоже на воспоминания, а не на одержимость призраками.

Я непроизвольно улыбнулся, и Таг ошеломленно покачал головой.

– Моисей? – отвлек меня от размышлений Таг.

– А?

– Не пойми меня превратно, но... если ты знаешь, что впереди нас что-то ждет – не плохое, не пугающее, не зомби-апокалипсис и не огонь и сера – по крайней мере, насколько тебе известно... почему ты остаешься здесь?

Его голос прозвучал так тихо и сдавленно от переизбытка эмоций, что я не знал, чем ему помочь. Пророк или нет, у меня не было правильного ответа. Мне потребовалась минута на размышления, но в конце концов я подобрал ответ, который показался мне правильным:

– Потому что я по-прежнему буду собой. Как и ты.

– Что ты имеешь в виду?

– Нам не сбежать от самих себя, Таг. Тут, там, на другом конце света или в психиатрическом отделении Солт-Лейк-Сити. Я Моисей, а ты Таг, и так будет всегда и везде. Так что либо мы разберемся с собой тут, либо там. Но это неизбежно. И смерть этого не изменит.

Он очень медленно кивнул, наблюдая за моими руками, которые тем временем создавали никому не понятные рисунки.

– Это никогда не изменится, – прошептал Таг, словно мои слова нашли отклик в его душе. – Ты – Моисей, а я – Таг.

Я кивнул:

– Ага. И хоть порой это отстойно, но в этой мысли есть и что-то утешающее. По крайней мере, мы знаем, кто мы.

Он больше никогда не задавал вопросов о своей смертности и в последующие недели обрел уверенность, которой, как я подозревал, некогда было у него в избытке. Таг начал планировать, куда отправиться дальше. Я же по-прежнему не имел ни малейшего представления.

– Когда ты выйдешь отсюда, то куда планируешь пойти? – спросил Таг как-то за ужином, пожирая еду глазами. В него могло влезть почти столько же, сколько в меня, и я не сомневался, что повара Монтлейка считали дни до нашего ухода.

Я не хотел обсуждать это с Тагом или с кем-либо другим и сосредоточил взгляд на окне левее его головы, давая понять, что разговор окончен. Но он не отступал:

– Тебе уже восемнадцать. Ты вычеркнут из системы опеки. Так куда ты теперь пойдешь, Мо?

Не знаю, с чего он взял, что может называть меня Мо. Я определенно не давал своего согласия. Но с ним всегда так: он умел просачиваться сквозь мою броню.

Я на секунду перевел взгляд на Тага, а затем пожал плечами, словно это мелочи.

Я провел здесь долгие месяцы. Рождество, Новый год, февраль. Три месяца в психбольнице. И мне хотелось остаться.

– Поехали со мной, – предложил Таг, бросая салфетку на стол и отодвигая поднос.

Я изумленно отпрянул. Я помнил, как он рыдал и его крики эхом разносились по коридору, когда его привезли в психиатрическое отделение. Он прибыл почти через месяц после меня. Я лежал в кровати и слушал, как санитары пытались его утихомирить. В то время я не осознавал, что это был Таг. Озарение пришло позже, когда он рассказал, что привело его в Монтлейк. Я вспомнил, как он накинулся на меня с кулаками на терапии – в его глазах пылала ярость, разум помутился от боли. Таг прервал мои мысли:

– У моей семьи много денег. В общем-то, кроме них у нас ничего и нет. Но мы буквально купаемся в деньгах. А у тебя за душой – ни гроша.

Я напряженно ждал продолжения. Это, конечно, правда. Таг единственный друг, который у меня когда-либо был, – единственный настоящий друг, помимо Джорджии. Но я ничего от него не хотел. Ни хорошего, ни плохого – а у него было навалом и того, и другого.

– Мне нужен кто-то, кто проследит, чтобы я не убил себя. Кто-то достаточно крупный, чтобы сдерживать меня, если я решу нажраться. Я найму тебя, чтобы ты проводил со мной каждую минуту каждого дня, пока я не разберусь, как отказаться от депрессантов и не перерезать себе при этом вены.

Я недоуменно наклонил голову вбок:

– Ты хочешь, чтобы я сдерживал тебя?

Таг рассмеялся.

– Да. Бей меня по лицу, толкай на землю, выбивай из меня все дерьмо. Главное, проследи, чтобы я оставался трезвым и живым.

Я на секунду задумался, по силам ли мне эта задача. Бить Тага, толкать его на землю. Сдерживать его, пока не пройдет жажда выпить или умереть. Я был крупным. Сильным. Но и Таг не был задохником. Удивительно, но мысль о том, чтобы врезать ему, уже не казалась такой привлекательной. Должно быть, мои сомнения отразились на лице, поскольку Таг снова принялся меня убеждать:

– Тебе нужен кто-то, кто верит тебе. Вот он я. Тебе наверняка надоело, что люди постоянно считают тебя психом. Я не считаю. Тебе нужно куда-то пойти, а мне нужно, чтобы кто-то пошел со мной. Это неплохая сделка. Ты хотел путешествовать, а мне все равно больше нечем заняться. Единственное, в чем я хорош, это в драках, а драться я могу везде, – он улыбнулся и пожал плечами. – Честно говоря, я не настолько себе доверяю, чтобы оставаться один. А если я вернусь домой в Даллас, то уйду в запой. Или умру. Ты нужен мне.

Он так легко это произнес. «Ты нужен мне». Я диву давался, как возможно, что такой крепкий парень, как Таг, – парень, который дрался просто забавы ради, – мог признаться в подобном. Или верить в это. Я никогда ни в ком не нуждался и не произносил эти слова другому человеку. Подобные признания равносильны признанию в любви, и это меня пугало. Мне казалось, что я нарушаю один из своих законов. Но в тот момент, с приближающимся утром и свободой на расстоянии вытянутых пальцев, я был вынужден признать, что тоже нуждался в Таге.

Из нас вышла странная парочка. Правонарушитель смешанной расы, который не мог перестать рисовать, и крупный техасец с огромным самомнением и лохматой прической. Но Таг говорил правду. Мы оба застряли. Потерялись. Нас ничто не держало, но мы не знали, куда двигаться дальше. Я просто хотел свободы, а Таг не хотел быть один. Мне нужны были его деньги, а ему – моя компания, как бы печально это ни звучало. Поэтому мы уехали. Сбежали. И никогда не оглядывались.

– Мы просто кинемся в бега, Моисей. Как ты там говорил? Тут, там, на другом конце света? От себя не сбежишь. Поэтому я предлагаю держаться вместе, пока мы не найдем себя, лады? Пока мы не разберемся, как жить с самими собой.

Так он сказал, и так мы и поступили. Давид Таггерт стал моим лучшим другом. Когда я нуждался в нем больше всего, он подхватывал меня и ни в коем случае не отпускал.

Поэтому теперь я просто обязан его найти.

Больше всего меня пугает, что, возможно, он нашел свои ответы. Что он в точности понимает, что делает. Понимает, кто он такой. Быть может, он все же разобрался в этом мире. Но, когда нам было восемнадцать, мы заключили сделку. А в моем понимании – сделка есть сделка.

«Мне нужен кто-то, кто проследит, чтобы я не убил себя. Кто-то достаточно крупный, чтобы сдержать меня, если я решу нажраться. Бей меня по лицу, толкай на землю, выбивай из меня все дерьмо. Главное, проследи, чтобы я оставался трезвым и живым».

Он хотел, чтобы я спас ему жизнь.

Я лишь надеялся, что еще не слишком поздно.

Глава 2

Мой бар называется «Таг», потому что он мой. Да, вот так все просто. После приобретения я пару недель размышлял над названием, пытаюсь придумать что-то запоминающееся, изобретательное, но в конечном итоге просто наклеил на него свое имя. В этом есть определенная логика, верно? Когда что-то принадлежит тебе, ты называешь его своим именем.

Поскольку я бывший алкоголик, кому-то владение баром могло бы показаться настоящим мазохизмом, но я купил его не ради выпивки. Каждый раз, входя внутрь, окидывая взглядом помещение, становясь за барную стойку и наливая кому-то коктейль, я чувствую себя могущественным. Будто я одолел своих демонов или как минимум дал им сдачи. К тому же я мужчина, а бар – это мужская берлога в высшей степени. На стенах и потолке висит множество телевизоров с плоскими экранами, чтобы посетители могли смотреть несколько матчей одновременно, и бар делится на секции в соответствии с разными видами спорта. Если вы пришли посмотреть конкретный бой или футбольный матч, для вас всегда готов один из экранов. Внутри пахнет дорогими сигарами и кожей, хвоей и пачками денег – в общем, всеми ароматами, которые делают мужчин признательными за свой тестостерон. Оформление состоит из каменных стен, темного дерева, теплого освещения и симпатичных официанток. И я этим чертовски горжусь.

Но я не просто владелец бара. Мне принадлежит весь квартал. Бар на углу, небольшая крытая арена, где каждый вторник и раз в месяц по субботам проходят бои среди местных, спортзал за ней, а в конце квартала – магазин спорттоваров с моим лейблом «Команда Тага» на каждой поверхности. Над тренировочным залом находятся моя квартира и еще две, которые я сдаю знакомым по своему усмотрению. Весь этот квартал – маленький мир, сотворенный мной. И все связано между собой, каждый бизнес взаимодействует с другим.

Даже бар и бойцовская арена взаимосвязаны. По вечерам, когда боев нет, сиденья арены отгораживаются стеной из металлической гармошки, а клетка переоборудуется в сцену – укромную нишу с дюжиной столиков и диванов. Барная стойка, для удобства, находится прямо за углом, да и официантки постоянно обслуживают клиентов, чтобы им не нужно было вставать. Четыре вечера в неделю на этой маленькой арене разыгрывается совершенно иное шоу, абсолютно другое спортивное мероприятие. В центре клетки ставится пилон, и внутрь не пускают ни одного бойца – только женщин, одну за другой, которые кружатся и извиваются на шесте в ритм с пульсирующей музыкой, приглушенной для остальной части заведения. У меня в баре все строго – насколько это возможно с пилонами и полуголыми девами. Девушки танцуют, но не раздеваются и не ходят среди зрителей. Но это все равно достаточно сексуально и нескромно, чтобы отделить эту зону от остальной части бара. Она используется как комната для переговоров – я веду там больше дел, чем где-либо еще, – и является вишенкой на верхушке заведения, ориентированного на трудолюбивых мужчин, которые чувствуют себя в меру робкими и признательными за подобное времяпрепровождение.

«Таг» открылся два года назад, одновременно с запуском моей линии одежды и первым крупным боем, где я исколотил мужчину, которого не должен был одолеть. Я отправил его в нокаут и стал пользоваться повышенным спросом. Все было идеально просчитано, один мой успех проложил путь другому. Я был богатеньким сопляком, который вырос бизнесменом; ковбоем, который предпочел ездить на волне обожания, чем на лошади. Куда больше меня интересовало заниматься боями без правил и смешанными единоборствами, чем продолжать дело отца. Я мог бы этим заняться. Это тропа, вымощенная золотом, дорога привилегий и прав. Но ее вымостил не я, а я твердо убежден, что нельзя быть полностью счастливым, шагая по чужой тропе. Чужому пути. Чтобы обрести истинное счастье, нужно проложить его самому, даже если этот путь не прямой. Даже если придется построить мосты и проделать туннели в горах. Ничто не приносит больше удовольствия, чем прокладывание собственной дороги.

Я приехал в Солт-Лейк-Сити три года назад, готовым взяться за работу. У меня были деньги – частично мои, заработанные вместе с Моисеем, частично чужие. Я был богатеньким мальчишкой, но не глупым. Я знал, что мне нужен капитал, чтобы построить империю. Порой нужны деньги, чтобы делать деньги. Поэтому я взял их у отца, дав себе клятву, что верну полную сумму до своей смерти или до своего тридцатилетия. В зависимости от того, что наступит раньше.

В мои двадцать шесть у меня уже не было больших запасов времени или просторов для маневров. Но я успешно продвигался, дела у моего бара шли очень хорошо. Подтверждения тому окружали меня повсюду, когда я вошел в заведение вечером понедельника – обычно самого непродуктивного дня недели: к переполненным столикам и веселому ропоту расслабленных посетителей.

Музыка, от которой вибрировал весь бар, быстро согрела мое сердце. Мимо гордо прошли две официантки в нарядах девушек с ринга – коротких шортиках в обтяжку и узких топах от «Команды Тага», не объявляя, а разнося раунды шотов. Они одинаково улыбнулись мне и взбили волосы, словно это входит в их работу. Может, так оно и должно быть... или же это просто здравый смысл. Боссу всегда улыбаются.

И хоть я автоматически улыбнулся им в ответ, я пришел не для флирта. Я оценил настроение в зале, посчитал количество мужчин у бара, занятых столиков, испаряющегося алкоголя и эффективность обслуживающего персонала. Когда я подошел к бару, чтобы переговорить с Морганом, моим менеджером, из-за темного угла дальше по коридору полилась ритмичная музыка, под которую танцевали девушки.

– Кто сегодня танцует? – поинтересовался я, хотя на самом деле мне было все равно.

– Джастин. Лори. И новенькая.

Морган ухмыльнулся, словно у него был какой-то секрет, и я тут же преисполнился подозрениями. Он поставил передо мной колу, и, сев за бар, я сделал щедрый глоток, прежде чем ответить:

– Неужели? Судя по твоей самодовольной улыбочке, я так полагаю, ты хочешь что-то рассказать мне о новенькой.

– Не-а. Она красивая, отлично танцует, с шикарным телом. Она работает уже две недели, хотя ты вечно на нее не попадаешь. Всегда приходит вовремя и двумя словами не обмолвится. Она танцует, не пьет и не кокетничает. Все как тебе нравится.

И снова эта ухмылка.

– Гм-м...

Я отодвинул колу и встал, решив лично посмотреть, в чем подвох. Я бы не удивился, если бы Морган передел одного из бойцов моей команды и отправил его в клетку в бикини. Он чертовски хороший бармен... но его любовь к розыгрышам сводит меня с ума.

Я поздоровался с несколькими посетителями, пожал им руки, поцеловал Сторми в щеку, пока она относила ледяные бутылки с пивом, и помахал Малкольму Шорту, который опреде-

ленно не потрудились переодеться после работы и выглядел немного нелепо в своем костюме и кепке «Юта Джаз»². Но игра уже началась, и он, заведенный, сидел довольный аки слон, приковав взгляд к экрану. Он один из спонсоров «Команды Тага», так что когда он счастлив – я счастлив.

В зале я работал почти так же хорошо, как на ринге, хотя всему бы предпочел бой. Но весь мой разум занимала работа, когда я прошел через небольшую арку, отделяющую танцующих девушек от спортбара. Мой взгляд тут же поднялся к клетке, поскольку я ожидал худшего. На пилоне танцевала Джастин, которая как раз заканчивала свой номер кругом по клетке. Ее бедра и руки покачивались из стороны в сторону, будто она только что объявила следующий раунд, а затем в комнате погас свет.

Когда его снова включили, в центре октагона стояла новенькая, держась руками за шест и опустив голову. Как только заиграла музыка, она тут же принялась исполнять свой стандартный номер, и я сосредоточенно нахмурился. Девушка была стройной и поджарой, ее мышцы напрягались под гладкой кожей. Прямые темно-каштановые волосы казались шелковыми в свете софитов, намащенное тело блестело, шорты, которые с трудом можно было назвать таковыми, и верх от бикини ничем не отличались от наряда предыдущей танцовщицы. Я наблюдал за ней с пару секунд, ожидая подвоха. В том, что он есть, я не сомневался.

Она была прекрасна – с утонченными чертами лица, маленьким носиком, губами-бантиками и лицом в форме сердца. Внезапно я испугался, что ей всего пятнадцать или с ней какая-то не менее тревожная проблема, но тут же отбросил эти мысли. Морган шутник, а не идиот. Нечто подобное уничтожило бы бар и стоило ему работы. А Морган любил свою работу, хоть и не питал подобных чувств ко мне, поскольку я не всегда ценил его юмор.

Нет, ей как минимум двадцать один. Это мое правило. Я поджал губы и приподнял голову, изучая ее. Она выступала на пилоне не хуже других девчонок, возможно, даже лучше, но ее танец был более акробатическим, более спортивным, чем откровенно сексуальным. Ее глаза закрылись, на губах заиграла мягкая улыбка, которую можно интерпретировать как похотливую, особенно учитывая, что она танцевала для зрителей, которые в основном состояли из мужчин. Нет, последнее вычеркнуть. Полностью из мужчин. Но ее улыбка не была похотливой, скорее... мечтательной, словно она представляла себя в каком-то другом месте. Крошечная балерина, кружащаяся на месте в детском стеклянном шаре, бесконечно танцующая в одиночестве. Ее улыбка не менялась, глаза оставались закрытыми, густые темные ресницы откидывали полукруглые тени на фарфоровые щеки.

Стратегически расставленные софиты скрывали зрителей и привлекали все внимание к танцовщице. Может, слишком яркий свет бил ей в глаза. Или же она немного стеснялась. Я хихикнул. Э-э-э... вот уж нет. Скромная танцовщица на пилоне – это такой же оксюморон, как пугливый боец. Но, наверное, кто-то должен с ней поговорить об этом. Мужчинам в зале нравится верить, что танцовщицы смотрят именно на них, и хоть девушки никогда не общаются с ними – по крайней мере в баре, – зрительный контакт и легкий флирт входят в их обязанности. Может, в этом и заключалась шутка Моргана? Если так, то он теряет форму.

Я отвернулся, когда песня закончилась и свет в клетке погас, оповещая об окончании номера. Все три девушки танцевали по пятнадцать минут каждый час, с пятнадцатиминутными перерывами с девяти до полуночи. В конце концов, это Юта, а не Вегас. У танцовщиц были выходные два, иногда три дня в неделю, когда бар превращался в ночной или бойцовский клуб – октагон был нужен для боев или разбирался, чтобы создать танцпол. С четвергья, а теперь пятью танцовщицами под моим руководством это ни в коем случае нельзя назвать работой на полную ставку. Большинство девушек подрабатывали днем где-то еще и соглашались на

---

² Баскетбольная команда.

сверхурочные, получая неплохие деньги за объявление раундов и боев в вечера бойцовского клуба.

– Ну, что скажешь, босс? – Морган улыбнулся и поставил кружку перед ожидающим клиентом, а я зашел за барную стойку и снова сел.

Я уставился в телевизор, чтобы узнать счет, не давая Моргану желаемого внимания.

– О чем?

– О новенькой.

– Симпатичная.

Не нужно ему знать все другие прилагательные, которые крутились в моей голове, пока я наблюдал за ее танцем.

– Да? – Морган вскинул брови, словно его удивила моя односложная оценка.

– Ага, – я вздохнул. – Может, ты хочешь что-то мне сказать? Потому что я не врубаюсь.

– Нет, сэр. Ничего.

Я покачал головой и застонал. Морган определенно что-то задумал.

– Кстати, сколько недель осталось, босс?

– Восемь.

Восемь недель, прежде чем я сражусь с Бруно Сантосом. Схватка, которая даст мне возможность на титульный бой в Вегасе. Схватка, которая вознесет бренд «Команда Тага» на новый уровень, раструбит о нем по всей Америке. Восемь недель полной сосредоточенности – никаких отвлекающих факторов, никаких решений, помимо этого боя. Вот когда получу победу, тогда подумаю, что делать дальше. Пусть хоть потом настанет конец мира, мне плевать. Главное, сначала победить.

– Эй, босс, Луи взял сегодня больничный. Обычно он проверяет, чтобы все девушки сели по своим машинам. Может, подменишь его, раз уж ты здесь?

Всех моих сотрудниц провожали к машинам после окончания их смены. Всегда. Эта часть города уже начала меняться, но все же. «Таг» находится неподалеку от старого Центрального вокзала в отреставрированном районе, который застрял где-то между возобновлением и упадком. В двух кварталах на север стоит ряд особняков, построенных в начале 1900-х, а через два квартала на юг – торговый центр с зарешеченными окнами. На левом углу квартала находится элитный спа-салон, а на правом – приют для бездомных. Район выглядит как конгломерат всего, что только можно представить, и местами здесь небезопасно. Я чувствую ответственность за своих сотрудников, особенно за девушек. Поэтому я установил несколько правил, пускай меня и периодически обвиняют в гиперопеке, сексизме и старомодности.

– Да, я этим займусь.

– Отлично, это были их последние номера на сегодня. Я бы и сам их провел, но кружки себя не наполнят, знаешь ли. Десять минут назад Келли забрал ее парень, а Марси и Сторми закрывают бар вместе со мной, так что я провожу их. На тебе остались Джастин, Лори и Амелия.

– Аме-е-елия? – протянул я, вскинув бровь.

– Ага, так зовут новенькую. Разве я не говорил?

– Нет. Она что, француженка?

– Что-то типа того, – ответил Морган, и я видел, что он пытается сдержать смех. – Но она живет неподалеку и идет домой пешком. Луи постоянно на это жаловался, хотя ее дом всего лишь чуть дальше по кварталу. Я сказал ему, что это пойдет на пользу его жирной заднице.

– Гм-м.

Так вот в чем хохма. Мне придется вести новенькую домой, а на улице как раз начался снег. Француженка, значит... Ну и ладно. Я все равно слишком взвинченный, чтобы спать. Даже подумывал пойти в зал и побить грушу, пока не изведу себя настолько, чтобы вырубиться на пару часов.

Словно по сигналу, в проходе между баром и лаунж-зоной появились Джастин и Лори с сумками в руках и застегнутыми шубами.

– Где Амелия? – спросил Морган, подняв на них взгляд.

– Она сказала, что подождет Луи снаружи, – ответила Джастин.

– Луи сегодня не работает. Вас проведет Таг. Верно, босс?

– Верно, Морган.

Я подавил свое раздражение, когда он снова рассмеялся и подмигнул девушкам.

Я проводил Джастин с Лори к их машинам на задней парковке, проследил за тем, как они уедут, и обошел здание, чтобы не идти к переднему входу через бар и избежать компании Моргана на весь остаток вечера. Когда я заворачивал за угол, то увидел новенькую на тротуаре. Ее лицо было поднято к небу, чтобы позволить крупным снежинкам приземлиться на щеки, словно она наслаждалась ощущениями от этого. Она ждала меня и вовсе не торопилась уйти с мороза. В ее руках была зажата длинная трость, из-за которой в мягком свете бара и с падающим вокруг снегом она выглядела как пастушка из рождественского спектакля.

– Здравствуйте? – в ее голосе слышался вопрос, когда я подошел. Амелия немного подвинула свою трость, чтобы коснуться моей ноги. – Луи?

– Луи болен, так что сегодня поведу тебя домой я, – медленно ответил я, охваченный шокирующим осознанием, когда она повернулась ко мне лицом.

Ее круглые глаза смотрели в одну точку, и, как ни странно, у меня кольнуло в сердце. У нее прекрасные глаза. Большие, яркие, окаймленные черными ресницами, которые ложились на щеки, когда она закрывала глаза. Но они также казались пустыми, и, глядя в них, по какой-то необъяснимой причине я ощутил грусть. Поэтому я опустил взгляд к ее губам и прямым темным волосам, которые обрамляли ее лицо и падали за плечи. Затем Амелия улыбнулась, и мое сердце вновь кольнуло, отчего у меня перехватило дыхание.

– О, эта длинная пауза. Как всегда. Мама говорила, что я красавица, – сухо произнесла она, – но, если это не так, обещаешь соврать? Я требую подробной лжи касательно моей внешности. – Все это она говорила добродушно. Без горечи, просто со смирением. – Значит, сегодня долг провожать слепую выпал тебе? Ты не обязан это делать. Я же как-то добралась сюда сама. Но Морган сказал, что это правило распространяется на всех девушек. Мол, так настаивает босс.

– Так и есть. Это хороший район, но мы оба знаем, что его пока еще не отшлифовали по краям, – ответил я, отказываясь смущаться и извиняться за то, что пьялился.

Она протянула руку и подождала, пока я пожму ее.

– Что ж, тогда представимся. Я Амелия. И я слепая.

Ее губы изогнулись в улыбке, чтобы дать понять, что она смеялась не только надо мной, но и над собой. Я пожал ее ладонь без перчатки. Ее пальцы были ледяными, и я отпустил их не сразу. Значит, она не француженка, а слепая, и почему-то Морган счел это невероятно смешным.

– Привет, Амелия. Я Давид. И я не слепой.

Она снова улыбнулась, и мои губы тоже невольно расплылись в улыбке; укол сочувствия, которым я так проникся к ней, значительно ослаб. Не знаю, зачем я сказал ей, что меня зовут Давид. Меня уже давно никто так не зовет. Имя Давид всегда вызывало у меня ощущение, что я провалился, даже не попытавшись преуспеть. Это имя моего отца. И *его* отца. И отца *его* отца. Имя Давид Таггерт обладало серьезным весом, и я ощутил его с раннего возраста. Затем друзья начали звать меня Таг. Это прозвище меня вызволило. Дало возможность быть юным и свободным духом. Одно это слово наталкивало на мысли о побеге. «Я Таг... и вам меня не поймать».

– У тебя мозолистые руки, Давид.

Довольно странный комментарий, как для рукопожатия при знакомстве, но Амелия сжала пальцы вокруг моей ладони и пощупала грубые бугорки, словно читала шрифт Брайля.

– Тренируешься? – догадалась она.

– Э-э, да. Я боец.

Ее точеная бровь вопросительно поднялась, но пальцы продолжили интимно водить по моей руке. Это было приятно. И странно. Мое небо начало покалывать, а пальцы ног согнулись в ботинках.

– Мозоли от штанг. Подтягиваний и тому подобного.

Я говорил как идиот. Как тупой подражатель Рокки. С тем же успехом я мог крикнуть: «Адриана, я сделал это!»

– Тебе это нравится?

– Драться? – уточнил я, пытаюсь вникнуть в разговор.

Она общалась не так, как другие девушки. Так прямолинейно. Так непосредственно. Может, у нее не было другого выбора. Не было такой роскоши, как узнавать других посредством наблюдений.

– Да, драться. Тебе это нравится? – повторила она.

– Да.

– Почему?

– Потому что я большой, сильный и злой, – искренне ответил я, ухмыльнувшись.

Амелия посмеялась, и я наконец-то выдохнул весь воздух, который держал в себе с тех пор, как она протянула свою руку. Ее смех не был девчачьим или высоким, звонким или милым. Он был громким, здоровым, идущим из живота, будто ей было нечего скрывать.

– Ты хорошо пахнешь, Давид.

Я отчасти ахнул, отчасти усмехнулся, снова изумляясь ей. Но она продолжила говорить: – Итак, я знаю, что ты большой, сильный, злой и хорошо пахнешь. Ты также высокий, потому что твой голос доносится откуда-то гораздо выше моей головы. А еще ты из Техаса и молодой.

– Откуда ты знаешь?

– Старики не дерутся. Ну и поняла по твоему голосу. Ты напевал Блэйка Шелтона себе под нос, когда подходил ко мне. Будь ты постарше, то пел бы Конвея Твитти или Уэйлона Дженнингса.

– Их я тоже пою.

– Чудесно. Можешь петь по дороге ко мне домой.

Она опытной рукой взмахнула тростью, и та аккуратно сложилась втрое. Затем Амелия взяла ее под левую мышку и потянулась ко мне правой рукой. Обхватила ладонью меня за бицепс, словно это самый естественный поступок в мире. И мы медленно, но уверенно побрели по тихим улицам; вокруг падал снег, обувь намочила от влаги. Я тот парень, который может разговорить любую девушку, но внезапно я растерялся.

Амелия выглядела полностью расслабленной, но не пыталась завязать разговор, пока мы шли рука об руку, словно возлюбленные в старом кино. Мужчины и женщины больше так не гуляют. Так разве что отец ведет свою дочь к алтарю или бойскаут помогает бабушке перейти дорогу. Но, как ни странно, мне понравилось. Я чувствовал себя мужчиной из былой эпохи, из тех времен, когда женщин повсюду сопровождали – не потому, что они не могли прийти без мужской помощи, а потому, что мужчины больше их уважали. Потому что женщины заслуживают заботы, заслуживают обхаживаний.

– Было время, когда все в мире казалось прекраснее, – слова неожиданно сорвались с моего языка. Я не планировал произносить их вслух.

– В смысле?

Казалось, Амелию порадовало мое заявление, поэтому я продолжил:

– Ну, если ты согласишься на старые фотографии... – мой голос смущенно сошел на нет, поскольку я осознал, что она не может посмотреть на старые фотографии.

Амелия вежливо меня спасла:

– Если бы я могла посмотреть на старые фотографии, то что бы увидела?

– У них было меньше. Но в то же время было больше. Мне кажется, в те времена люди больше заботились о своем имуществе и внешнем виде. Женщины наряжались в платья, мужчины – в костюмы. Люди носили шляпы и перчатки и выглядели ухоженными. Они говорили иначе – осторожнее, культурнее. Мы говорим на том же языке, но он полностью преобразился. Не знаю... В мире было больше шика. Возможно, в этом все дело.

– Ах, времена, когда мужчины не дрались, чтобы заработать себе на жизнь, а женщины не танцевали на пилоне, – сказала она с улыбкой в голосе.

– Мужчины всегда дрались, и женщины всегда танцевали. Мы настолько старомодны, насколько возможно, – парировал я. – Мы – вне времени.

– Мы неплохо сохранились, – хихикнула Амелия, и я тихо посмеялся.

С пару минут мы шли в комфортной тишине, как вдруг я осознал, что понятия не имею, куда мы идем.

– Где ты живешь?

– Не волнуйся, здоровяк. Я знаю, где мы. Сверни направо на следующем углу. Нам нужен старый дом в тридцати шагах оттуда.

– Ты живешь в одном из старых особняков?

– Да. Его построил мой прапрадед, раз уж мы заговорили о временах, когда мир был прекраснее. Полагаю, мой дом уже не такой великолепный, как раньше. Но в моей голове все выглядит чудесно. Преимущество слепой девушки.

– Ты сказала в тридцати шагах. Ты их считаешь? – я услышал нотки изумления в собственном голосе и гадал, разобрала ли их она.

– Обычно да. Но я менее внимательна, когда меня кто-то сопровождает. Я знаю, где заканчивается тротуар, где деревья и выбоины.

– Это потрясающе!

– Ну, я выросла здесь, и однажды у меня было зрение. Я все еще могу мысленно представить эту улицу. Но мне было бы сложнее, если бы пришлось изучать совершенно новое место.

– Что произошло?

– Редкое заболевание со сложным названием, которое ты наверняка забудешь, как только я его произнесу. Мы не понимали, что происходит, пока не стало слишком поздно. Но даже если бы мы все поняли раньше, вряд ли бы мы смогли что-то сделать.

– Сколько тебе было?

– Одиннадцать.

Я сглотнул. Моя жизнь тоже изменилась в одиннадцать, но абсолютно иным образом. Прежде чем я успел ответить, Амелия остановилась.

– Это мой. Мы пришли.

Она снова выпрямила трость и постучала ею перед собой, задевая маленький кованный забор. Затем отпустила мою руку и отошла, чтобы нащупать засов на воротах и с легкостью их открыть. Дом был старым, как из прошлого века, если не старше, но все равно величественным, несмотря на то что снег и тьма частично скрывали садик и большую веранду вокруг всего особняка, которая видала деньки и получше. В окнах на втором этаже горел свет, освещая тропинку и ступеньки. Амелия, похоже, не нуждалась в помощи, поэтому я остался у ворот, ожидая, пока она зайдет внутрь и окажется в безопасности. На полпути она остановилась и слегка обернулась.

– Давид? – позвала она, подняв голос, будто сомневалась, что я все еще тут.

– Да?

– Спасибо, что проводил меня домой.

– Не за что.

Я подождал, пока входная дверь закроется, и только потом повернулся. Снегопад прекратился, и вокруг было так тихо, что я стал напевать, чтобы развлечься. Закрыв глаза, я начал считать шаги, гадая, каково было бы ничего не видеть и каким образом слепая девушка оказалась танцовщицей в моем клубе.

(Конец кассеты)

Моисей

Милли потянулась к кассетнику, водя пальцами по кнопкам, пока не нашла нужную. Затем нажала на нее, и голос Тага затих. Она так крепко прижимала к себе кассетник, будто цеплялась за воспоминание. Атмосфера в комнате наполнилась ожиданием, нетерпением. Я слышал его в голосе Тага, почувствовал в заботе, с какой он вспоминал все подробности, и ощутил его изумление, пока он восстанавливал свой путь. Его история так затянула меня, что на секунду я забыл, где нахожусь. Но теперь мне стало неловко и захотелось прикрыть уши руками.

– Я не переставала думать о нем и не могла выбросить из головы ту песню Блэйка Шелтона, – тихо произнесла Милли. – Он был милым. И сильным. Я чувствовала его силу, пока он шел рядом со мной. В ту ночь мне даже приснились ощущения от его руки под моей ладонью. После того как я потеряла зрение, мне продолжали сниться разные образы. Мне нравилось, что я по-прежнему могла видеть в мире грез. Но с годами сны стали все больше соответствовать моей реальности. Порой мне снились картинки, но зачастую это были запахи и звуки, эмоции и ощущения.

Голос Милли оставался приглушенным, словно она размышляла вслух и забыла о моем существовании. Я подумывал напомнить о себе, пока она не выдала чего-то слишком личного, но она неожиданно продолжила:

– Я ходила на парочку свиданий вслепую.

Она улыбнулась в мою сторону, давая понять, что все-таки помнит обо мне, и я рассмеялся. Наверное, такова и была ее цель.

– В смысле на слепые свидания вслепую. И еще на парочку свиданий со слепыми парнями, с которыми уже была знакома. Один из них настаивал, чтобы его называли «человеком с нарушением зрения», – Амелия показала пальцами кавычки. – Я этого не понимаю. Для меня это все равно что называть белых «людьми с недостатком меланина». Люди такие странные. Я белая слепая девушка. Двадцатидвухлетняя белая слепая девушка. Можно называть вещи своими именами?

Я снова посмеялся, гадая, к чему она ведет, но с радостью позволил ей выговориться. Интересно, она знает, что я черный? До чего замечательно осознавать, что в кои веки это не имеет никакого значения.

– Я встречалась и со зрячими парнями – ну, знаешь, «с людьми без нарушений зрения», – она снова улыбнулась. – Их было не очень много, но все же. Обычно меня с ними знакомит моя двоюродная сестра Робин. Уверена, что каждый из них был страшненьким. Уродливым, странным, с бородавками – в общем, тем, кому обычно отказывают другие девушки. Но это нормально. Я могу притвориться, что все они выглядят на миллион баксов, и никогда не узнаю правды. Важен лишь образ в моей голове, так ведь? Но однажды Робин попыталась отправить меня на свидание с глухим, и тут уж я воспротивилась. Дело было не в том, что он глухой, но как, по ее мнению, мы бы общались? Иногда Робин думает, что, из-за того, что я инвалид, я могу встретиться только с инвалидами. Разумеется, никто другой на меня не клюнет, да? – Ее

голос сорвался, и она тут же улыбнулась, посмеиваясь над собой. – Ой-ой. Кажется, я задела себя за живое.

– Это не так, – возразил я.

– Порой это правда, – прошептала Милли, явно думая, что эта правда оказалась непосильной для Тага.

– Я поймала себя на надеждах, что Давид уродлив. Для меня это было не важно, зато для других он был бы менее желанным. Я думала, если он невзрачный, то будет более расположен к кому-то, как я.

Она медленно, чуть ли не с грустью выдохнула.

– Но я знала, что он красавец. По тому, как он подавал себя, по его уверенности и доброте. Я подумывала расспросить о нем других девчонок на работе, но струсил. Не хотела, чтобы они смеялись надо мной или испытывали ко мне жалость. Я убедила себя, что мы сможем быть друзьями. Он вроде бы был не против.

Я не знал, что сказать. Меня захватила ее история, но я понятия не имел, что ответить. Милли просто сидела, зажимая кассетник между предплечьями. А затем, без дальнейших разговоров, снова нажала на кнопку.

Глава 3

Во вторник, вечер боев, сцена превращалась в ринг, а в среду у Амелии был выходной, о чем Морган сообщил мне, как только я вошел в помещение. Он лыбился так, словно удачно пошутил надо мной.

– Что с тобой, Морган? – ошарашенно и даже немного раздраженно спросил я. – Ты ведешь себя так, будто все это одна большая шутка. Нанял слепую, чтобы разыграть меня? Так поступают только придурки.

Морган всплеснул руками и начал было возражать, но при этом не переставал смеяться, подтверждая, что именно так он и поступил.

– Она заявила сюда с тростью и выглядела скорее как Хелен Келлер, чем Хайди Клум. Без макияжа, с неаккуратным пучком, в зимней куртке и сапогах. В общем, страшненько. Сказала, что хочет устроиться на работу. В тот день за баром был Винс, и мы решили, что это ты ее подослал – ради прикола или что-то типа того. Так что, естественно, мы согласились. Ты меня знаешь, я всегда не прочь посмеяться. Она ждала своей очереди вместе с остальными девчонками, и, как ни странно, все были с ней очень милы. Они отвели ее в сторонку, и не успели мы моргнуть глазом, как Амелия вышла на сцену в крошечных шортиках, обтягивающем топе, с распушенными волосами и начала танцевать на пилоне как настоящий профессионал.

От описания собеседования Милли мне стало немного тошно. Это странно – если бы он говорил о Джастин или Лори, о любой из других девчонок, я бы и ухом не повел. Но мне не нравилось думать о том, как Винс с Морганом пялились на Амелию и смеялись, в то время как она даже не могла их увидеть. Морган, совершенно не замечая моего смущения, продолжил:

– Она была достаточно хороша, чтобы мы поняли, что это не прикол. Да и выглядела чертовски решительной. Даже восторженной. Не буду скрывать, мне это показалось забавным.

– Просто умора.

– Ты уволишь ее, босс?

– Нет, с чего бы?

Морган начинал всерьез действовать мне на нервы.

– Она не так популярна, как остальные девушки. Некоторые посетители жаловались, что она не смотрит на них, когда танцует.

– Разве не достаточно того, что она дает им смотреть на себя? – огрызнулся я.

– Эй! – Морган поднял руки вверх. – Не убивай гонца, босс. Она не может объявлять раунды по вечерам боев, так что мы немного в проигрыше.

– Мы не в проигрыше, Морган. У нас есть другие девушки, которые могут этим заняться. Девушки, которые танцевали в баре, также работали на ринге.

– Ладно. Если хочешь ее оставить, я не против. Она вернется в четверг, если ты вдруг решишь с ней поговорить о том, чтобы немного оживить ее выступления. Ну, знаешь, предложить ей хотя бы танцевать с открытыми глазами.

Морган снова рассмеялся.

– Морган?

– Да, босс?

– Иди домой.

– Ч-что? – его смешки быстро оборвались.

– Я помогу Винсу на баре. Иди домой.

Он снял полотенце для рук, которое всегда вешал на плечо, и нервно вытер ладони.

– Но... – попытался он возразить.

– Ты считаешь забавным издеваться над слепой девушкой. Это меня беспокоит, Морган. Заставляет задуматься о том, какого человека я нанял управлять моим баром. Видишь ли, я ненавижу две вещи. – Я поднял большой и указательный пальцы, перечисляя: – Задир и стерв. Я не знал, что ты задир, Морган. Так что, пожалуйста, не включай сейчас стерву, иначе у меня будут две причины тебя уволить. Иди домой. И если захочешь вернуться, переосмысли свое чувство юмора. Все ясно?

Мой голос оставался спокойным, поза расслабленной, но я не сводил глаз со своего бармена и наблюдал, как он опускает взгляд и смущенно переминается с ноги на ногу, будто ждет, что я передумаю. Когда я ничего не сказал, Морган швырнул полотенце в сторону и потянулся к бумажнику и ключам, которые прятал под барной стойкой.

– Я гожусь тебе в отцы, Таг. Твой старик был моим лучшим другом. Тебе следовало бы относиться ко мне с большим уважением, – проворчал Морган уже без всяких шуток.

– Тебе придется заслужить его. Суть в том, что ты мне не отец, не лучший друг и я ни черта тебе не должен. Можешь вернуться завтра, если тебе хватит мужества измениться. Если не появишься, я все пойму и начну искать тебе замену.

Он снова начал было спорить, но затем одумался и закрыл рот. Поджав губы ниточкой, сжав челюсти и кулаки, он вышел из-за барной стойки и резко толкнул дверь плечом, чуть не сбив с ног Амелию, которая как раз заходила в бар. Морган выругался и оглянулся на меня, прежде чем скрыться в ночи.

– Простите, – выдохнула Амелия.

Ее трость упала на пол, и на нее обернулись любопытные посетители. Амелия ненадолго замешкалась, но затем присела, чтобы нащупать пальцами трость, и грациозно поднялась. Ее щеки слегка порозовели, и мне стало любопытно, чувствует ли она на себе взгляды присутствующих. Амелия медленно пошла вперед, прокладывая тростью дорогу к бару. Я запоздало вспомнил, что сегодня работаю, и спешно обошел стойку, снимая куртку и закатывая рукава. Амелия села на стул и терпеливо ждала, когда к ней подойдут. Интересно, что она делала, когда люди ее игнорировали?

– Амелия, чем могу помочь?

– Давид? – спросила она, удивленно поднимая голову.

– Впечатляюще. Ты хорошо разбираешься в голосах.

– Спасибо. Э-э, а где Морган? Сегодня ты за баром?

Она сидела очень ровно, не сутулясь и не ерзая на сиденья, как большинство людей. Даже не облокачивалась на бар, словно боялась что-то перевернуть или вторгнуться в чье-то личное пространство. Амелия не могла знать, что единственные люди за баром сидели в другом конце, попивая пиво и наблюдая за игрой «Тоттенхэм Хотспур»³ по телевизору.

– Да, я его заменяю, – я не вдавался в подробности. – Тебе что-нибудь налить?

---

³ Английский профессиональный футбольный клуб.

Амелия закусил губу и покачала головой:

– Нет, я не пью. Я и так слепая, а алкоголь притупляет мои оставшиеся чувства. Вместо того чтобы расслаблять, он пугает меня до чертиков. – Она пожала плечами: – Наверное, я говорю как маленький ребенок.

– Нет, я понимаю. Я тоже не пью.

Она с сомнением вскинула брови:

– Но ты работаешь в баре.

– Я никогда не мог делать что-то умеренно. Видишь ли, я не пью – я напиваюсь. Со мной либо все, либо ничего, так было всегда. И раз уж я не могу все, придется смириться с ничем, – произнес я непринужденным тоном, гадая, с чего вдруг мне захотелось разубедить ее. Затем плавно сменил тему: – Может, налить тебе чего-нибудь другого? Лимонад, воду, чего-то безалкогольного?

– Диетическую колу, пожалуйста.

Я сразу же взялся за дело, и через пару секунд на подстаканнике перед ней появилась кола.

– Диетическая кола прямо по курсу.

Амелия улыбнулась и поблагодарила меня. Осторожно вытянув руку, нащупала пальцами прохладный стакан и подвинула его к себе. Затем склонилась над ним, будто принохивалась, и замерла над своим напитком. Ее нос находился так близко к шипучей коле, что погрузился бы в нее, опустилась она на сантиметр ниже.

– Что-то не так? – спросил я.

Амелия резко выпрямилась и потерла нос правой рукой, по-прежнему держа стакан левой.

– Нет, мне, э-э, нравится, как она шипит и брызгает на мою кожу. Я не знала, что ты все еще смотришь на меня.

В ее голосе появились стальные нотки, по которым я сразу же понял, что она не любит, когда на нее пялятся.

– Тогда займись своими делами, – я улыбнулся; мне понравился ее дерзкий ответ.

– Э-э, Давид... – ее голос поднялся на пару октав, – на самом деле я просто пришла за чеком. Ты не мог бы его принести?

– Конечно, только дай мне минуту. Я не буду смотреть, если ты захочешь еще немного насладиться пузырьками.

Все чеки хранились в сейфе под баром, и мне потребовалось несколько минут, чтобы найти запасные ключи от кабинета Моргана. Он забрал свои, когда уходил. Я выругался, думая о том, какие сложности у меня возникнут, если Морган решит, что его гордость важнее работы. К примеру, мне придется менять все замки. Я искренне надеялся, что он вернется утром с раскаяниями. Мне не хотелось искать нового менеджера; Морган хорошо справлялся со своими задачами, когда не вел себя как придурок.

Когда я подвинул конверт по стойке, задев ее свободную руку, чтобы она узнала о моем присутствии, Амелия взяла его и вернула обратно.

– Ты не мог бы открыть его и прочитать мне? Я смогу обналечить чек в банкомате на углу, если буду знать сумму.

Разорвав конверт и взглянув на цифры, я был поражен. Затем чуть ли не робко назвал Амелии сумму, и она вздохнула:

– Морган предупреждал меня, что я буду получать минимальную зарплату, пока не закончится испытательный срок. Ты случайно не знаешь, когда это будет?

Мой желудок запыхал жаром от ярости, но я подавил его ради Амелии. Пришлось подыграть – не для того, чтобы защитить Моргана, а чтобы защитить ее чувства. Не было никакого

испытательного срока. Морган снова играл в свои игры. Амелию наняли в качестве шутки – к тому же дешевой. Но я не мог ей этого сказать.

– Уже. Ты будешь получать столько же, сколько и остальные танцовщицы, и тебе выплатят полную сумму, которую ты заработала за первые две недели, за вычетом этого чека.

– Серьезно? Это замечательно! Морган мне об этом не говорил.

Я скривился. Это Морган отправится на испытательный срок.

Амелия вопросительно повторила сумму, и я снова зачитал ей чек.

– Запомнила. Пойду обналичу его. Сколько я должна тебе за колу?

– Преимущество сотрудников бара – диетическая кола бесплатно. И пузырьки.

Она широко улыбнулась, и я улыбнулся в ответ – ну невозможно сдержаться перед лицом такой радости, независимо от того, видит она это или нет.

Амелия осторожно встала и достала трость, направляясь к выходу. Ее чек был спрятан в широком кармане пальто.

– Может, тебе помочь? Хочешь, я отправлю кого-нибудь с тобой?

Она покачала головой, не оглядываясь:

– Сенсорные экраны отвратительны. Мне с ними не совладать. Но, слава богу, в банкомате на углу есть шрифт Брайля на клавиатуре! Будь мир плоским, люди, как я, просто соскользнули бы с края.

Она произнесла это веселым, юморным голосом, и я изумленно покачал головой. Амелия толкнула дверь на улицу, и тьма поглотила ее.

Я боролся с желанием пойти за ней, убедиться, что ее не ограбят у банкомата, что ее жалкий чек не украдут, что ее трость не используют против нее. Мир и без того опасен для большинства людей. Но для Амелии он откровенно смертелен. Она абсолютно уязвима. «Будь мир плоским, люди, как я, просто соскользнули бы с края».

Однако она не мешкала.

Я уважал ее, восхищался ею и поэтому задержался за баром на пару долгих секунд в немом проявлении поддержки, хоть мое сердце и колотилось в груди, а ладони вспотели. В голове всплыло лицо моей сестры. Она тоже когда-то исчезла в ночи. И больше я ее не видел.

– Винс? – позвал я младшего бармена, обменивающегося историями с постоянными клиентами в другом конце бара. Он не имел ни малейшего представления о драме, которая разворачивалась последние десять минут.

– Здорово, Таг.

– Ты останешься один за баром где-то на полчаса. Я вернусь, чтобы закончить смену и помочь тебе закрыться. Моргану пришлось уйти. Ты справишься?

– Да, босс, нет проблем. Сегодня все равно не оченьлюдно.

Я схватил куртку и, не произнося ни слова, вышел за дверь и побежал к банкомату на углу, догоняя Амелию до того, как она успела пройти полквартиры. Она удивилась моему появлению, но просто пожала плечом, когда я сослался на правила бара.

– Но я ведь даже не работаю сегодня, – возразила она.

– Сделай мне одолжение.

Она снова пожала плечом, и я терпеливо встал в стороне, чтобы она могла спокойно обналичить чек – что она с легкостью и сделала, уверенно водя пальцами по клавишам.

Когда Амелия закончила, я встал рядом, и она взяла меня под руку, как прошлым вечером. Мы шли в комфортном молчании – я тихо напевал, Амелия шла со мной в шаг, как если бы доверяла, что я веду ее в нужном направлении.

Мы почти дошли до ее двери, как вдруг Амелия замерла и начала дергать меня за руку:

– Слушай!

Я прищурился и всмотрелся во тьму, внезапно обеспокоившись, что у нас появилась компания.

– Вот оно!

А затем услышал далекий гудок поезда и грохот колес, скользящих по рельсам.

– Десять вечера. Четко по расписанию, – выдохнула Амелия.

Звук набирал силу, гудок раздался громче, проносясь по ночи скорее песней, чем сигналом предупреждения. Я всегда любил звуки поездов, но уже давно не останавливался, чтобы просто послушать их.

– Поезда как машины времени. Если закрыть глаза – хотя я в этом и не нуждаюсь, – то легко представить, что мир ничуть не изменился за сотню лет. Ты слышишь этот звук, и на дворе с легкостью может быть 1914 год, а не 2014-й.

– Или мы могли бы готовиться ехать в Хогвартс на новый учебный год, – пошутил я.

Она снова рассмеялась. Мне нравилось, что она не сдерживалась в эмоциях.

– Ни за что не поверю, что ты фанат «Гарри Поттера», – Амелия ткнула меня в бок.

– Честно говоря, нет. Но я знаю основы.

– Я люблю «Гарри Поттера». И звуки поезда, – она вздохнула. – Одни из моих любимых.

– У тебя есть любимые звуки?

– Да, и много. А у тебя?

– Наверное, я никогда об этом не задумывался, – признался я.

– Я их коллекционирую, – весело произнесла Амелия.

– Как можно коллекционировать звуки?

– Так же как мы собираем воспоминания, – она постучала пальцем по виску.

Я не знал, что на это ответить, но это было и не нужно.

– Кстати, о коллекционерах, ты не против познакомиться с моим младшим братом? Он большой фанат спорта, и ему было бы очень приятно встретить настоящего борца. Он немного неуклюжий, но будет счастлив пообщаться с тобой.

– Конечно, – я пожал плечами. Мне было любопытно посмотреть на дом изнутри, на то, как она живет, увидеть родителей, которые позволяли своей слепой дочери разгуливать одной по городу и танцевать полуголой в баре.

Амелия выудила ключи из кармана пальто и начала нащупывать замок. У нее не заняло это много времени, и она не просила о помощи, так что я молча стоял рядом.

Дверь со стоном открылась в темную прихожую. В доме слегка пахло сыростью и полиролью для мебели – скорее всего, из-за его старости.

– Генри? – позвала Амелия, оставив трость и снимая пальто. Затем почти без каких-либо затруднений повесила его на старомодную вешалку для головных уборов и верхней одежды. – Генри!

Я услышал, как наверху открылась дверь, из-за которой полился звук спортивных комментариев, но он быстро оборвался. Раздались шаги, и люстра внизу ожила, омывая светом с вершины богато украшенной лестницы, вокруг которой строился дом.

Из-за угла вышел мальчик-подросток со взъерошенными рыжими кудряшками. Либо он спал, либо не любит расчесываться. На нем была черная майка «Чикаго Буллз»⁴ и фланелевые пижамные штаны. Встретившись со мной взглядом, он скрестил свои тощие руки на груди и начал переминаться с ноги на ногу, явно чувствуя дискомфорт из-за неожиданного гостя.

– Генри? – Амелия определенно слышала его шаги, которые резко затихли. – Генри, это Давид... э-э, Давид, я забыла спросить твою фамилию. – Она не ждала, пока я ее назову, и восторженно добавила, как мать ребенку: – Он настоящий борец, Генри! Я подумала, что тебе будет интересно с ним познакомиться.

Генри все так же оцепенело стоял на вершине лестницы. Я помахал ему:

---

⁴ Профессиональная баскетбольная команда.

– Привет, Генри. Я Давид Таггерт, но ты можешь звать меня Таг, – представился я. Паренек выглядел больше взволнованным, нежели впечатленным.

– Таг? – испуганно пропищала Амелия, слегка поворачиваясь ко мне. – О боже. Я не понимала... в смысле, ты Таг Таггерт! Ты сказал, что тебя зовут Давид! Я думала, что ты работаешь в баре вышибалой, который дерется в свое свободное время! Как Луи! О боже. Ты мой босс!

Амелия прижала ладони к щекам и начала делать плавные вдохи и выдохи, явно смутившись из-за того, что так фамильярно общалась со мной ранее, и я попытался сдержать смех.

– Бокс стал легальным видом спорта в 1901 году! – выпалил Генри.

– Он не боксер, – быстро пришла в себя Амелия. – Он боец ММА, верно, мистер Таггерт? Значит, теперь я мистер Таггерт. Тут уж я расхохотался.

– Я занимаюсь кикбоксингом, реслингом, дзюдо, грэпплингом. Всем понемногу, – согласился я, продолжая хихикать.

– Порхай как бабочка, жаль как пчела, – сказал Генри и крепче сжал руки на груди.

– О, тебе нравится Мухаммед Али? – поинтересовался я.

– «Величайший», «Народный чемпион», «Луисвиллские губы», – протараторил парнишка, прежде чем развернуться и убежать дальше по коридору. Дверь за ним захлопнулась, приглушая радио, и мы с Амелией вновь остались одни в прихожей.

– При вашей следующей встрече он будет знать все о тебе, о твоём послужном списке и о смешанных единоборствах. У Генри феноменальный ум, но ему плохо даются светские беседы, – тихо произнесла Амелия. Она закусила нижнюю губу, словно хотела что-то добавить, но затем напрягла спину, одумавшись.

Я полагал, что тут проблема посерьезнее, чем неумение вести беседу, но промолчал.

– Я не знала, кто ты. Теперь чувствую себя полной дурой, – робко прошептала она.

– Почему?

– Я общалась с тобой как с Луи.

– Это как же? Как с другом?

– Я флиртовала.

– Ну, со мной уже случалось такое прежде. Думаю, я переживу.

Ее нос сморщился, а брови выгнулись.

– Ты улыбаешься?

– Ага.

– Ладно. Это хорошо. Я попытаюсь вести себя более профессионально в будущем.

С этими словами она протянула руку в мою сторону, очевидно вознамерившись пожать мне ладонь, как «профессионал».

Я быстро ее пожал, борясь с желанием снова рассмеяться. До чего же она забавная – особенно тогда, когда не пытается такой быть.

– Можешь привести Генри в тренажерный зал, если считаешь, что ему это понравится. Он на той же стороне, что и бар, в двух дверях на юг. У меня целая команда борцов. Луи тоже иногда тренируется с нами. Мы устраиваем спарринги где-то с десяти до четырех почти каждый день. Я могу показать Генри пару приемов и познакомить его с ребятами.

– Правда? – пропищала Амелия и крепко сжала мою крупную ладонь между своих крошечных. – Я спрошу его. Думаю, ему понравится эта идея. Генри очень стеснительный и не любит, когда люди к нему прикасаются, но, возможно, он захочет просто понаблюдать за вами.

– Я не собирался вызывать его на ринг, – иронично заметил я.

– Ты снова улыбаешься?

Было как-то странно думать, что я могу стоять с абсолютно любым выражением лица, а она ничего и не узнает. Я мог насмеяться над ней, закатывать глаза, кривляться, показывать язык. И она оставалась бы в полном неведении.

– Ага.

– Я так и подумала.

Амелия тоже улыбнулась, но ее лицо по-прежнему было повернуто в другую сторону, глаза смотрели в никуда, чуть ли не игнорируя меня. Ее ровные зубы сверкали белизной за расплывшимися в улыбке розоватыми губами, лишенными алой помады, которой она красилась перед выступлением. Более того, на ней вообще не было косметики, и здесь, под ярким светом люстры, когда я наконец мог с толком ее рассмотреть, она выглядела юной и очаровательной со своими темными волосами, заправленными за уши. То, что Амелия не встречалась взглядом, казалось на удивление жеманным жестом, словно она играла в недотрогу, но я-то знал правду. Она не играла в эти игры. Не могла.

Я отпустил ее руку и отошел, потянувшись к двери. Среагировав на звук, Амелия наклонила голову. Я понимал, что в данном случае это она в невыгодном положении, но, черт побери, из-за того, как она проходила взглядом мимо меня, я чувствовал *себя* объектом насмешек.

– Спасибо, что провел меня домой, мистер Таггерт.

– Не за что, мисс...

– Андерсон, – подсказала она, хотя я уже знал ее фамилию.

– Доброй ночи, Амелия Андерсон.

Я вышел на улицу и затворил за собой дверь.

(Конец кассеты)

Мусей

Первая кассета закончилась с громким щелчком кнопки, и я шумно выдохнул, словно все это время стоял с затаенным дыханием. Я боялся расслабиться, беспокоился, что пропущу подсказки мимо ушей, что не уловлю подтекст в словах Тага. Проблема в том, что он, казалось, обнажал свою душу, не упускал ни единой подробности их первой встречи, даже то, о чем лучше не говорить.

– Я не смотрю фильмы, а слушаю их. Я питаю страсть к гениальным диалогам и классным саундтрекам, романтическая линия – обязательное условие, – Милли говорила так, словно чувствовала необходимость рассказать о закулисных подробностях, которыми не поделился Таг. – Когда-то давно мы с моей двоюродной сестрой Робин устроили киномарафон с фильмами восьмидесятых, включая «Грязные танцы» и «Танец-вспышка». Я изо всех сил старалась следить за сюжетом, и Робин заполняла пробелы. Когда она ушла домой, я снова включила «Танец-вспышка». Слушала его снова и снова, представляя, каково было бы танцевать перед зрителями – перед людьми, которые не знают, что я слепая. Тогда мне и пришла в голову эта идея. Я провела небольшое исследование, наняла разнорабочего, и уже спустя две недели бойлеру и печке в нашем подвале составил компанию крепкий пилон. Разнорабочий тоже пригласил меня на свидание. Я отказалась.

– Умница.

Амелия меня впечатляла. Она была такой жизнерадостной, и на секунду я очень обрадовался за своего друга, но затем вспомнил, что он ее покинул.

– В детстве я занималась танцами и гимнастикой и была вполне конкурентоспособной, пока зрение не начало ухудшаться. Но слепота не лишила меня способности кувыряться, делать упражнения на перекладине или даже балансировать на бревне. При помощи мамы и нескольких терпеливых преподавателей я продолжала заниматься гимнастикой вплоть до последних нескольких лет. Время от времени я тренировалась в зале, но я слишком злоупотребляла чужим гостеприимством. Я переросла свою жалкую привлекательность и стала обузой, ведь мне всегда нужен кто-то рядом, чтобы приглядывать за мной. Но в подвале, с пилоном и музыкой, играющей так громко, как я захочу, я могу удачно применить свои танцевальные

и гимнастические навыки. Никто не должен мне помогать. Никто не обязать следить, чтобы я не упала и не навредила себе. Когда я танцую, то могу представить, будто я настоящая, будто я выгляжу так же хорошо, как чувствую себя. Со временем я даже так расхрабрилась, что станцевала перед Робин. Она сказала, что я выглядела потрясающе, и была безумно за меня рада. Поэтому я начала придумывать номера, мечтать понемногу. Даже придумала хореографию к «Совершенно слепа» группы Day 26. Это довольно сексуальная песня, что, признаться, забавно. Я решила – раз я могу посмеяться над собой, то мне не важно, что надо мной будут смеяться другие. Я хотела танцевать. Но я так и представляла, как преподнесу новый материал для стендап-комиков. Начну целое движение. Вместо шуток про блондинок и толстых мамаш появятся шутки про слепых стриптизерш.

– У меня есть парочка наготове, – подразнил я, и Милли хихикнула.

– Да, у меня тоже. Миллион шуток.

Я не просил ими поделиться, но мне было любопытно. Ее смех быстро сошел на нет, и она застенчиво пригладила волосы.

– Я часто шучу об этом, но на самом деле мне далеко не все равно, как я выгляжу. Я усердно тружусь над своим внешним видом. Робин косметолог – это помогает. Мне часто говорят, что я симпатичная, но я не могу взглянуть на свое отражение, чтобы удостовериться в этом. Поэтому я решила просто поверить им на слово. Но танцевать перед людьми? Это уже совершенно другая история. Несколько месяцев назад Робин рассказала, что в клубе на углу улиц Бродвей и Рио-Гранде нанимают танцовщиц, и подумала, что мне стоит пройти отбор. Я хотела. Очень хотела. Я могла смеяться над собой с Генри и Робин, могла танцевать на пилоне в своем подвале, но могла ли я по-настоящему выступать? Могла ли получать вознаграждение за свои танцы?

– Очевидно, Таг решил, что да, – перебил я.

Милли кивнула, но все равно продолжила:

– Робин обещала помочь и так бы и сделала – я бы выглядела на миллион баксов. Но в конечном итоге я пришла на пробы в виде нищенки. Слепой нищенки. По крайней мере, в моем представлении они выглядят именно так. Я пришла с улицы, готовая сразу же получить от ворот поворот, – одежда никоим образом не подчеркивала мою фигуру, на голове был бардак. Я сделала это специально. Хотела дать им все поводы отказать мне. Хотела обеспечить их легким выходом из ситуации. Но мне не отказали. – Милли выдержала паузу. – Ну, теперь мы знаем почему.

Я понятия не имел, зачем Таг упомянул эту часть в своей истории на кассетах. Я наблюдал за Милли, пока он вспоминал свой разговор с Морганом, и ее настроение упало, как карточный домик. Мне захотелось выкинуть кассетник в окно и выследить своего лучшего друга, чтобы вбить немного здравого смысла ему в голову.

Но затем Таг продолжил рассказ, и выражение лица Милли стало задумчивым, а поза расслабленной. Внезапно я понял, почему Таг делился столь смущающими деталями. Он признался в причинах, почему ее наняли, потому что не хотел, чтобы она узнала их от кого-то другого и подумала, что он тоже принимал участие в этом розыгрыше. Таг явно хотел, чтобы Милли знала – когда он впервые увидел ее на сцене, то понятия не имел, что она слепая. Он считал ее красавицей.

– Ты слышала, что он сказал, Милли. Он ничего не знал. Ты убедила его в своем профессионализме. Он даже посчитал тебя лучше других танцовщиц.

У меня снова скрутило живот. Если бы Таг планировал вернуться, то вряд ли бы чувствовал необходимость объясниться и оградить Милли от сплетен.

– Знаю, – прошептала она и встала. – Моисей, мне нужен перерыв. Я хочу вернуться домой и убедиться, что с Генри все хорошо.

Я предложил подвезти ее, но она отказалась, оправдываясь тем, что хочет размять ноги. Через пару часов начиналась ее смена в баре, чему я был несказанно рад, пусть Амелия и всего лишь придерживалась своих привычных действий. И все же это значило, что она не сидит на месте. Бездействие убивает. Пока что все притворялись ради Тага: продолжали ходить на работу в бар, зал и его магазин на углу. Может, он и покинул свой мир, но, если мы продолжим делать вид, что ничего не изменилось, возможно, этот мир от него не отвернется до его возвращения. О других вариантах я не позволял себе думать.

Глава 4

Морган не вернулся на работу. На следующий день я специально пришел в бар после полудня, чтобы встретить его или постоять на замене, в зависимости от того, как пойдут дела. Когда часы показали полшестого, а мой менеджер так и не явился, я выругался и начал обдумывать варианты действий. Мне нужно было готовиться к важному бою, и я не хотел каждый вечер торчать за баром. Поэтому я и нанял Моргана. Я хотел приходить, делать обход, здороваться с завсегдатаями и обрабатывать посетителей в задней комнате. Чего я не хотел, так это работать сорок часов в неделю за барной стойкой. На мне и так было слишком много всего. Но я опозорил Моргана, задел его гордость. И все же меня удивило, что он не пришел.

Весь вечер я готовил коктейли, общался со знакомыми и наблюдал за входом, не сомневаясь, что в конце концов Морган проскользнет внутрь. У него попросту было не так уж много вариантов. В семь пришла Амелия, воспользовавшись передним входом вместо заднего, через который обычно приходили сотрудники. С ней был Генри – его взъерошенные волосы прикрывала бейсболка «Джайентс», взгляд метался из стороны в сторону. Было любопытно видеть брата с сестрой вместе – одна такая собранная, другой такой смущенный.

Я поздоровался с ними, и Амелия робко улыбнулась и пошла в сторону бара. Сегодня у нее было выступление, и я гадал, о чем она думала, приведя брата на работу. Генри вел себя так, будто вовсе меня не услышал. Его взгляд был прикован к телевизору над моей головой. Мальчик замер в трех шагах от стульев, спрятав руки в карманы и отгородившись от всего окружающего мира. Его нижняя губа опухла, а на скуле виднелся синяк. Интересно, знала ли об этом Амелия?

– Э-э, привет, Давид... мистер Таггерт, – выдавила Амелия, нащупывая край барной стойки.

– Амелия, – перебил я. – Пожалуйста, ради всего святого, перестань называть меня мистер Таггерт.

– Хорошо, – она застенчиво улыбнулась и продолжила с очевидным дискомфортом: – Можно Генри посидит здесь и посмотрит игру «Лейкерс»⁵? Обычно к нам приходит соседка, пока я работаю, на случай, если Генри что-нибудь понадобится, но она плохо себя чувствует. Разумеется, он достаточно взрослый, чтобы посидеть дома самостоятельно... в смысле, я уже оставляла его одного вечером. Но ненадолго. И у него был сложный день. За ним заедет Робин, но она будет только минут через двадцать...

Ее голос смущенно затих.

Я на секунду задумался о ее родителях, но затем решил, что это не мое дело.

– Он тоже любит пузыри? – подразнил я.

---

⁵ Американский профессиональный баскетбольный клуб.

Если Генри сможет тихо сидеть на стуле и наблюдать за игрой до прихода Робин, я обеспечу его напитками и закусками. Он недостаточно взрослый, чтобы ходить по барам, но, если он не будет пить – о чем я могу позаботиться – и не задержится надолго, мне не о чем беспокоиться.

– Он любит спрайт. – Амелия говорила с таким облегчением, что я боялся, как бы она не ударилась в слезы. Вместо этого она повернулась к Генри, нащупала его руку и ласково проинструктировала: – Генри, ты слышал? Мистер Таг... э-э, Таг говорит, что ты можешь посмотреть игру с ним.

Генри залез на стул, не сводя глаз с экрана.

– Давид, ты не против, если он посидит здесь?

Она упорно не хотела называть меня по прозвищу. Интересно почему?

– Да, все нормально. Иди, я присмотрю за ним.

– Спасибо. Спасибо, я... – Амелия оборвала себя, выпрямила плечи и, сделав глубокий вдох, улыбнулась: – Спасибо. Я очень ценю это.

Взяв трость и постукивая ею перед собой, она прошла через бар и исчезла в длинном коридоре, который вел к уборной и раздевалке для сотрудников.

Я поставил перед Генри пиалу с арахисом и стакан спрайта, но затем передумал и поменял орешки на претцели. Он походил на одного из пареньков, у которых жуткая аллергия на арахис. Только этого мне сегодня не хватало.

– Коби Брайант лидирует в лиге по штрафным броскам.

Я понятия не имел, правда ли это. Просто закинул удочку, чтобы завязать с Генри беседу.

Тот резко перевел взгляд на меня и покачал головой, давая понять, что я не прав.

– Он самый высокий в НБА? – В данном случае я знал, что это неправда.

Генри начал ухмыляться.

– У него самый большой размер ноги?

Мальчик покачал головой.

– Его лучшего друга зовут Шакил?

Генри так яростно замотал головой, что я испугался, как бы он не упал со стула.

– Коби Брайант самый молодой игрок в истории лиги, который набрал тридцать тысяч карьерных очков, – проинформировал меня он. Я мысленно дал себе «пять» за то, что сумел разговорить его.

– Неужели? – невозмутимо спросил я.

– Он также был самым юным игроком, задрафтованным НБА.

– Ой, подумаешь, – я отмахнулся. – Об этом все знают.

Я подмигнул, чтобы он понял, что я понятия об этом не имел.

– Ты знал, что его назвали в честь японской говядины? – бахвалился Генри, подвигая к себе спрайт и делая щедрый глоток через трубочку.

– Да ладно! – рассмеялся я.

Я отошел от него, чтобы принять заказ у клиентов, сидевших чуть дальше, и поздоровался с Акселем, моим шведским партнером по спаррингам, который занял стул через один от Генри и сказал «так» – спасибо на шведском, – прежде чем осушить поставленное перед ним пиво.

– Шакил О’Нил и Коби Брайант не друзья, – серьезным тоном произнес Генри и настоженно попробовал претцель. Затем подавленно взглянул на свой уже пустой стакан.

– Нет? Почему? – поинтересовался я, наливая ему спрайта.

– Великаны не могут быть друзьями.

– Ты говоришь про Шака или Коби? Они оба достаточно крупные. – Я пытался сдерживать смех, поскольку Генри явно принимал этот разговор близко к сердцу.

– Великанам не нравится, когда кто-то крупнее них.

– Ну, не знаю. Взгляни на меня и Акселя. Мы тоже оба крупные.

– И кто крупнее? – спросил Генри.

– Я! – твердо ответил я в тот же момент, как Аксель ударил себя кулаком по груди.

Генри многозначительно округлил глаза, словно я лишь подтвердил его точку зрения. Мы с Акселем раскатисто засмеялись, но парнишка даже не улыбнулся. Просто прильнул разбитыми губами к трубочке ипил свой спрайт, как будто умирал от жажды. Я подождал, пока Аксель переведет свое внимание на Сторми, которая остановилась пофлиртовать с ним, пока обслуживала столики.

– Генри? У тебя проблемы с великаном? – я коснулся своей губы и посмотрел на него.

– «Великаны»⁶ были победителями Мировой серии в 2012-м, – тихо ответил он. – И в 2010-м. Они сейчас очень популярны.

Я не был до конца уверен, крылся ли какой-то подтекст в популярности «Джайентсов» или же Генри просто хотел сменить тему. Я попытался использовать другую тактику:

– Ты же знаешь историю о Давиде и Голиафе? Давид был мелким парнишкой, а Голиаф – громадным воином. В итоге Давид убил его при помощи обычной пращи и собственного меча Голиафа.

– Тебя зовут Давид, – заметил Генри, вновь переводя взгляд на телевизор.

– Да. Хочешь, чтобы я одолел великана для тебя?

– У «Великанов» большая скамья запасных.

Я прищурился. Генри сосредоточил все внимание на телевизоре. Говорить с ним все равно что говорить с Йодой. Или R2-D2.

Я вздохнул и подлил ему еще спрайта.

– Когда тебя настигнет все выпитое, туалет по правой стороне коридора.

Я не хотел расстраивать Амелию, но, когда она вышла проверить, забрала ли Робин Генри, прикрыв свою танцевальную «форму» футболкой и легинсами «Команды Тага», я отвел ее в сторону и еще раз настоятельно посоветовал привести Генри в тренажерный зал. Мальчишке не помешает научиться давать сдачи задирам – или великанам, если уж на то пошло.

На следующий день Амелия с Генри не пришли в зал. В субботу мне показалось, что я увидел их в окне, но, когда я снова посмотрел, их там не было. Я пожал плечами, решив, что Генри не так обрадовался идее Амелии, как она думала. Спустя пару минут я поднял голову и заметил, что они жмутся у боксерских груш. Амелия твердо держала Генри за руку, а он выглядел так, будто сбежит в любую секунду, как перепуганная собака-поводырь, и утащит бедную сестру за собой. Они привлекали внимание – Генри со своей прической безумного ученого, бегающим взглядом и дергаными движениями, и Амелия, которая стояла абсолютно неподвижно и смотрела в одну точку.

Я быстро прервал спарринг, сбегая от Акселя, который пытался порвать меня на кусочки, и скользнул между канатов, ограждавших ринг.

– Амелия! Генри! – позвал я, отмечая, как лицо Амелии сразу же расплылось в улыбке от облегчения – она была такой широкой, что отразилась в глазах, давая иллюзию искры жизни.

Генри начал пятиться, потянув сестру за собой.

– Эй, Генри! Постой, чувак, – я остановился в паре шагов от них и понизил голос. – Ты знал, что бой между Джеком Демпси и Джессом Уиллардом был первым, который передавали по радио?

Он замер и перестал дергать руками.

– Ты знаешь, в каком году это было, Генри?

– В 1919-м, – прошептал он. – А первый бой, транслирующийся по телевидению, был в 1931-м. Между Бенни Леонардом и Микки Уолкером.

---

⁶ Имеется в виду «Сан-Франциско Джайентс», профессиональный бейсбольный клуб.

– Я этого не знал.

Если честно, я и о бое Уилларда с Демпси узнал только потому, что вчера по Нетфликсу показывали документальный фильм о последнем. Спасибо господу за Нетфликс! Упоминание радио натолкнуло меня на мысли о Генри и спортивном репортаже, доносившемся из его комнаты.

– Хочешь рассказать мне что-нибудь еще?

– Давид «Таг» Таггерт, претендент на чемпиона в полутяжелом весе с послужным списком из восемнадцати побед, двух поражений и десятью нокаутов.

– Наводил на меня справки, а?

Уголки губ Генри дрогнули, и он смущенно отвернулся.

– Так и есть! Что еще ты накопал? Что все дамы меня обожают, что я самый красивый боец в любом весе, на всей планете?

На секунду его лицо сморщилось от недоумения, и я осознал, что он роется в памяти, пытаясь вспомнить подобные факты. Я рассмеялся.

– Шучу, приятель.

– Рост метр девяносто, вес девяносто семь килограммов, чаще всего сравнивают с Форрестом Грифффином и Майклом Биспингом? – голос Генри поднялся в конце; он явно хотел моего одобрения.

– Я очаровательнее Биспинга, и уши у меня получше, чем у Форреста. Но, вероятно, они оба могут надрать мне задницу.

– Амелия, он сказал «задница»! – изумленно прошептал Генри.

– Да, Генри, это нормально. Так разговаривают бойцы, – успокоила его она.

– А я могу говорить «задница»? – снова с любопытством прошептал он.

– Можешь, – вмешался я, – после того как научишься драться.

– Я не люблю драться, – попятился Генри.

– Все нормально, Генри. Есть куча разных видов борьбы. Я могу тебе показать, когда ты будешь готов. Некоторые приемы просто рассчитаны на то, чтобы ты мог защитить себя. А пока я познакомлю тебя со своей командой.

– «Командой Тага»? – в его голосе отчетливо слышалась радость.

– Верно. Несколько не хватает, но большинство моих ребят сейчас здесь.

Генри уже познакомился с Акселем, моим шведским партнером по спаррингу, но Амелия вежливо пожала ему руку, и Аксель многозначительно посмотрел на меня над ее головой. Он определенно видел, как она танцевала. Майки, парень с накачанными руками и без левой ноги, улыбнулся Генри с Амелией и пожал им руки. Майки всегда вел себя как джентльмен в присутствии дам, но среди парней ругался как сапожник. Он потерял ногу в Ираке и теперь избавлялся от своих внутренних демонов в зале «Команды Тага». Он показал мне пару приемов в рукопашном бою, которым может научить только тот, кто действительно боролся за свою жизнь больше раз, чем можно сосчитать.

Дальше я подошел к Пауло, бразильцу и лучшему грэпплеру среди нас, а затем к Кори, самому юному в команде. Кори Мангум рестлер и стал чемпионом Национальной университетской спортивной ассоциации в тяжелом весе, когда был на первом курсе. Но уже на втором курсе он спустил все свои победы в унитаз и оказался в Психиатрической клинике Монтлейк после того, как пытался избавиться от наркомании, спрыгнув с моста. Мой старый друг доктор Анделин отправил его ко мне. Пока что ему удавалось воздерживаться от наркотиков и ежедневно укладывать меня на лопатки. Я многому у него научился.

Помимо Акселя, Майки, Пауло и Кори, который тренировался, но в боях не участвовал, у меня было несколько бойцов ММА и много из других дивизионов, но все они дрались под лейблом «Команды Тага» и вежливо приветствовали Амелию с Генри, хоть и косились на ее ослепительную улыбку и его взъерошенные волосы. Интересно, знает ли Амелия, какая она

привлекательная? Скорее всего, нет. В наш зал приходило много женщин. Некоторые хотели повидать меня или кого-то из ребят, но большинство тренировались с нами. В моей команде были две женщины, которые входили в UFC⁷. Но Амелия – это что-то новенькое, и я не сомневался, что парни заметили ее сексуальную фигуру, блестящие волосы и пухлые губы. Это меня беспокоило. Еще и Аксель наверняка расскажет им, что она танцует в баре на пилоне несколько дней в неделю. Вот это уже *серьезно* меня беспокоило.

– Эта часть зала отведена для тренировок по борьбе. Все остальное – качалка, тренажеры, разные занятия – это для тех членов «Команды Тага», которые приходят на фитнес. За пятнадцать баксов в месяц ты получаешь доступ ко всему в этой части помещения. Пару дней в неделю у нас проводятся занятия на матах, как дзюдо и уроки по самозащите, но за дополнительную плату.

– Может, хочешь попробовать пойти на дзюдо или на уроки по самозащите? – спросила Амелия у Генри. – Я какое-то время занималась дзюдо. Есть дивизия для слепых спортсменов. Было довольно круто! Но душа у меня к этому не лежала, если только музыка не играла на полную и я не могла делать кики и повороты, а на дзюдо они не нужны.

– Да. Разве что ты кого-то уложишь на лопатки с разворота.

– Мне придется бить плохих парней? – с сомнением спросил Генри.

– Не-а. В дзюдо главное броски. Борцы ММА используют много бросков и удержаний, так что среди нас дзюдо очень ценится, – сказал я.

Генри выглядел сильно встревоженным из-за перспективы бить кого-то. Соответственно, мне придется научить его это делать.

– Тебе не обязательно кого-то бить. Ну, разве что эту грушу. Как думаешь, справишься?

Мальчик замер и с подозрением покосился на грушу для битья в паре метров слева от нас.

– И тот мешок тоже. Это весело. И они не дадут сдачи.

Амелия по-прежнему держала брата за руку, ее трости нигде не было. Я ласково взял ее за локоть и поставил рядом с собой, чтобы Генри не задел ее, если попытается нанести удар. Что-то мне подсказывало, что он никогда ничего не бил в своей жизни. Он был мелким и тощим, и явно с проблемами в развитии. Когда он говорил, то немного напоминал робота, и я гадал, не страдает ли он аутизмом. С одной стороны, Генри выпаливал спортивные факты, словно ходячая книга рекордов. А с другой, паренек попросил разрешения, чтобы говорить «задница». Не самый стандартный подросток.

Генри подошел к большой груше, глядя на нее так, будто она может превратиться во что-то смертоносное. Затем резко стукнул ее левой рукой и на метр подскочил вверх.

Амелия похлопала в ладоши:

– Это был ты, Генри? Я слышала!

– Попробуй еще раз. Можешь пнуть ее, – проинструктировал я.

Нога Генри выстрелила вперед, словно он пытался распахнуть дверь пинком, и груша, покачнувшись, врезалась в него и повалила на пол.

– Она достала меня, Таг, – простонал Генри, и Амелия ахнула. По всей видимости, я ошибался. Даже бойцовская груша может дать сдачи.

– Вставай, приятель. Ты хорошенько ей врезал. Ты должен следить за ней, отходить немного, когда она летит обратно, ловить момент, когда бить и пинать ее.

Генри поднялся так, словно груша в любую минуту могла сбить его с ног. Ткнул в нее, нанес пару ударов, несколько раз пнул, не упав, а затем перешел к маленькой груше. Амелия все время молчала и внимательно слушала, и в какой-то момент я осознал, что по-прежнему

---

⁷ Ultimate Fighting Championship – спортивная организация, базирующаяся в Лас-Вегасе, США, и проводящая бои по смешанным единоборствам по всему миру.

держу ее за локоть и прижимаю к себе, пока учу Генри. Когда тот хоть немного вошел в ритм и начал радостно хихикать себе под нос, Амелия подала голос:

– Давид?

Я чуть не оглянулся, чтобы посмотреть, с кем она разговаривает, но затем вспомнил, что это мое имя. Оно звучало как-то иначе из ее уст.

– Да?

– Ты такой милый. Я этого не ожидала.

– Почему же?

– Потому что все девушки в баре либо влюблены в тебя, либо хотят переспать с тобой, либо ненавидят тебя, но все равно хотят переспать. Я думала, что ты один из «плохих» парней.

– О, я тот еще плохиш. Просто стараюсь не быть придурком с людьми, которые этого не заслуживают. Наверное, можно сказать, что я милый плохой парень.

– Вряд ли это так работает, – тихо произнесла она.

– Поверь мне, еще как работает. Я хорошо отношусь к людям, но лучше не переходить мне дорогу. Или моим близким. Иначе увидишь мою плохую сторону.

– Я запомню, – серьезно кивнула Амелия, словно еще секунду назад как раз подумывала перейти мне дорогу. Сама мысль о том, что утонченная, слепая брюнетка с кожей как шелк и очаровательной улыбкой может меня нагнуть, была смешна.

– Ты что-то замышляешь? – спросил я, стараясь сдержать смех.

– Замышляла, но затем одумалась, – она театрально передернулась. – Не хочу увидеть плохого Тага.

– Плохой Таг и Глупышка Милли.

– Милли?

– Разве тебя не называют сокращенно Милли?

– Нет, – честно ответила она.

– Генри и Амелия – такие имена слышишь не каждый день. Они немного старомодные.

– Это потому, что на самом деле мы родились в 1800 году, когда эти имена были более популярны. Мы, вампиры, не стареем, знаешь ли. А моя слепота – просто уловка, чтобы люди чувствовали себя в безопасности. – Ее губы изогнулись в ухмылке.

– Неужели? – протянул я. – Черт меня побери. Значит, вам с Генри всегда будет, сколько, тринадцать и двадцать два?

– Пятнадцать. Генри пятнадцать.

– Но тебе на самом деле сто двадцать два?

– Все верно. И мы по-прежнему будем хорошо выглядеть спустя еще сотню лет.

Для Генри это не самая лучшая перспектива, а вот для Амелии – вполне.

– Ты всех нас переживешь.

Амелия немного погрузилась, и ее улыбка испарилась. Если бы я не смотрел на нее в этот момент, то и не заметил бы, но я сразу же понял, что Амелия уже пережила дорогого ей человека.

– Твои родители тоже бессмертные? – весело поинтересовался я, гадая, пресечет ли она эти шутки.

– Нет. Отец ушел из нашей жизни. Я уже много лет с ним не общалась. Мама давно умерла. – Она пожала плечами, и все веселье улетучилось от этой жестокой реальности.

– Мне жаль, милая.

Я часто использовал это ласковое обращение и называл так бесчисленное количество женщин, но щеки Амелии залились краской, и она робко опустила голову. Вероятно, ее редко называли «миллой».

– Папа плохо перенес мою слепоту. Судя по всему, двое детей с проблемами – это слишком много для него.

– Значит, ты заботишься о Генри... сама? – я пытался не выдать своего изумления, но она все равно его услышала, судя по тому, как сжались ее челюсти и напряглась спина.

– Тебе действительно интересно или ты сомневаешься во мне?

Амелия повернулась ко мне лицом, словно бросала мне вызов, и, когда я опустил на нее взгляд, то ощутил знакомый трепет в груди. Такое же чувство появляется, когда ты прыгаешь с обрыва – сердце набухает, грозя выскочить из груди. Оно охватывало меня всего несколько раз в жизни.

Я почувствовал его, когда наблюдал, как Моисей впервые брал на руки свою малышку. Они с Джорджией наконец обрели заслуженное счастье, и радость на его лице наполнила мое сердце эйфорией. Я почувствовал его два года назад, когда в пятом раунде выиграл свой первый важный бой. На самом деле за последние два года я часто ощущал этот трепет, видя Моисея за работой, как люди плакали от радости из-за его дара. Но впервые у меня перехватило от него дыхание в Венеции. Это случилось через год после того, как я вышел из Монтлейка, восемь месяцев с тех пор, как мы с Моисеем отправились в путешествие по миру. Я так долго чувствовал себя грустным и потерянным, что уже отвык от других эмоций. Но там, в небольшой гондоле в Венеции, глядя на закат – как пламенный алый шар окрашивал воду и небо в райские оттенки, – я почувствовал, что мои глаза наполняются слезами от этой свирепой красоты. И в тот момент я понял, что хочу жить. Впервые за долгое время я испытывал радость от того, что живу.

Глядя на лицо в форме сердца Амелии Андерсон, на ее упрямо поджатые губы, меня снова охватило это чувство. Прокатилось по моему телу и перехватило дыхание.

– Мне действительно интересно, – хрипло прошептал я.

– Мы заботимся друг о друге, – просто ответила она. – Он помогает мне справиться со всеми трудностями, даже готовит иногда. Не высокую кухню, конечно, но мы справляемся. Я могу не знать, сочетается ли моя одежда между собой, действительно ли в доме чисто, не плавают ли муха в моем супе, но Генри заботится обо мне не меньше, чем я о нем.

Ну да. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто из них играет роль родителя, а кто – ребенка. Эта девушка постоянно застает меня врасплох.

– Мы с Генри команда. У тебя есть «Команда Тага», верно? Значит, ты понимаешь. Каждый вносит свой вклад.

– Да?

– Он – глаза. Я – сердце. Он – руки, я – голова. Так говорила моя мама.

После этого мы ненадолго замолчали. Я ушел в свои мысли, Генри вернулся к эпической битве с боксерской грушей. Амелия стояла абсолютно неподвижно и прислушивалась, словно таким образом могла увидеть попытки брата одолеть «соперника». Чего она не знала, попросту не могла знать, так это того, что она сразила меня. С виду я стоял рядом с ней, но на самом деле уже валялся у ее ног.

(Конец кассеты)

Моисей

«Он – глаза. Я – сердце. Он – руки, я – голова». Эти слова не переставая звенели в моей голове. С тем же успехом Милли могла описывать меня с Тагом. Я – глаза и руки; художник, который видит то, чего не могут другие и не может Таг. Но он – лидер, голова, сердце. И его голова с сердцем не единожды оказывали помощь моим глазам и рукам. Порой его сердце приносило ему – да и *мне* – неприятности, но зачастую направляло нас в нужную сторону. Он заботился обо мне. Но я не знаю, заботился ли о нем я. Раньше мне казалось, что в этом нет нужды.

– Почему он ушел, Моисей? Куда? Никто не видел его уже две недели. Никто ничего не знает. Если верить его словам, он влюблялся в меня. Но почему тогда он ушел, да еще и таким образом?

Милли была на грани слез, а я, чтобы не сойти с ума, слушая прощание своего лучшего друга, начал рисовать, мои пальцы парили над альбомом.

Я позвонил отцу Тага, тот позвонил его маме, а та позвонила его младшим сестрам, которые уехали на учебу. Милли была права. Никто ничего не знал. Никто не видел и ничего не слышал от него с тех пор, как он пропал.

– Он говорил или делал что-нибудь странное? Хоть что-нибудь, что могло бы подсказать нам, куда он ушел? – беспомощно спросил я.

Из-за рассказа Тага мне захотелось взвыть от безысходности. Очевидно, что он повел себя историю любви. А мой опыт в амурных делах наталкивал на мысли, что эта история плохо закончится. Любовные истории, как правило, трагичны.

– Нет. Но он выглядел усталым, хотя это на него не похоже, – ответила Милли, прерывая мои депрессивные мысли. – Таг неутомимый. Ты не замечал? У него больше энергии, чем у любого моего знакомого. Но он выглядел усталым. Он постоянно готовился к бою с Сантосом. Пару раз он даже уснул на диване, пока смотрел телевизор с Генри. Однажды я разбудила его в полночь, потому что диван у нас маленький и вряд ли удобный для сна. Таг был сбитым с толку, едва соображал, с трудом выговаривал слова. Не знай я его, то решила бы, что он пьян. Но он ничего не пил! За все время, что мы знакомы, он даже к пиву не притрагивался. А тут он уснул на диване на три часа. Я не хотела, чтобы он садился за руль – для этого он был слишком сонным, пусть и ехать было всего пару кварталов. Но он утверждал, что в порядке. Я провела его к машине, и он пошутил насчет того, что слепая ведет слепого. – Ее голос сорвался.

– Это был последний раз, когда ты его видела?

– Нет. В нашу последнюю встречу он... мы с ним... – Милли замолчала, и ее щеки подозрительно порозовели.

Сукин сын! Дальнейшие объяснения не нужны. Я снова почувствовал себя полностью растерянным. Я вышел, чтобы позвонить Джорджии, и она ответила после первого же гудка. Ее голос был полон надежды и страха.

– Какие новости? – спросила она без всяких преамбул.

Такая моя Джорджия – сразу берет быка за рога. Это одно из моих любимых ее качеств, которое спасло нас, когда наша собственная история любви переживала трагические времена.

Это напомнило мне о кое-чем, и я внезапно выпалил:

– Ты знаешь, что однажды Таг буквально взял быка за рога? Я сам видел.

Джорджия молчала секунду, а затем снова требовательно спросила:

– Моисей? Милый, о чем ты говоришь? Что происходит с Тагом?

– Мы были в Испании, в Сан-Себастьяне. Это город в Стране Басков. Ты знала, что испанки бывают блондинками? Я вот не знал. Я повсюду видел блондинок и вспоминал о тебе. У меня было ужасное настроение, и Тагу пришла в голову «гениальная» идея, что нам нужно в Памплону, чтобы поучаствовать в энсьерро⁸. Мол, всплеск адреналина как раз то, что мне нужно, чтобы взбодриться. Памплона не так уж и далеко от Сан-Себастьяна – всего час езды на юг на автобусе. Я знал, что ему жить надоело. По крайней мере, так было в Монтлейке. И он был немного сумасшедшим. Ты представляешь, он *ждал*, пока бык пробежит мимо него, а затем погнался следом! Когда бык повернулся к нему, Таг схватил его за рога и сделал прием с падением на спину, как ковбой на родео.

---

⁸ Энсьерро – испанский национальный обычай, состоящий в убегании от специально выпущенных из загона быков, коров или телят.

– Ты про стир-реслинг? – Джорджия явно была сбитой с толку, но все равно внимательно меня слушала.

– Да, именно. Таг пытался побороть быка. Бык победил, но зато на Таге не осталось ни царапинки. До сих пор не понимаю, как это возможно. Я так громко кричал, что потом хрипел еще неделю. Что не страшно, поскольку я не общался с ним *две* недели. Сукин сын! Я думал, что он умрет!

Мое горло сдавило от эмоций, но Джорджия все равно услышала то, чего я не мог сказать.

– Что происходит, Моисей? Где Таг?

– Я не знаю, Джорджия. Можешь приехать? Ты нужна мне. И что-то мне подсказывает, что, прежде чем все это закончится, ты будешь нужна Милли. Некоторые вещи нельзя обсудить с мужчиной. Даже если он лучший друг твоего парня. *Особенно* если он лучший друг твоего парня.

Глава 5

Утром понедельника я припарковался перед домом Амелии и ждал, когда Генри пойдет в школу. Когда Робин приехала за ним в бар, я начал выуживать из нее информацию, чтобы разобраться, кто оставил ему синяки на лице. После стольких стаканов спрайта мальчик вышел в туалет, и я тут же устроил Робин допрос с пристрастием. Я ничего не рассказал Амелии в тот вечер или даже в зале в субботу, но игнорировать проблему было нельзя. Мысль о том, что кто-то портил Генри жизнь, что кто-то поднял на него руку, вызывала во мне желание кого-нибудь придушить. Задир и стерв. Всегда их ненавидел. Поэтому я взял на себя смелость вмешаться, а не только учить его приемам в тренажерном зале.

Робин сказала, что чаще всего Генри ходит в школу пешком. Та находилась всего в паре кварталов от их дома, но иногда Милли составляла брату компанию. Он ходил на обычные уроки в обычную школу и, если верить Робин, получал хорошие отметки. Судя по всему, Милли часто общалась с учителями и была на короткой ноге с администрацией. Мне было любопытно, как активно Генри принимал участие в занятиях и как ладил с другими детьми. Робин сказала, что, насколько ей известно, у него нет друзей. Судя по его губе, он привлек к себе чье-то внимание. Я пообещал Робин, что разберусь с этим. Она выглядела немного удивленной, но затем просто пожала плечами.

Генри уходил из дома в полвосьмого. Купив по дороге два стакана кофе, я встал у обочины и прогрел машину. Я не знал, нравится ли Генри кофе, но зато он нравился мне. Я чувствовал себя каким-то извращенцем, поджидавшим ребенка, но, когда Генри вышел, я все равно опустил окно и весело с ним поздоровался, а затем попросил поговорить с ним.

– Я отвезу тебя в школу, чтобы ты не опоздал, – добавил я, когда Генри посмотрел на часы.

Он широко улыбнулся, будто обрадовался моему приезду, и без возражений подошел к пассажирскому месту. Я мысленно пообещал себе, что в будущем побеседую с ним об опасности общения с незнакомцами. Генри скинул портфель на пол и взял предложенный кофе со стоном благодарности. Я усмехнулся, и мы несколько минут наслаждались напитком, прежде чем приступить к важному разговору.

– Генри, расскажи мне, что с тобой произошло. Почему у тебя разбита губа? И кто оставил тебе этот синяк на щеке?

Генри залился алой краской и слегка подавился кофе. Затем отставил стаканчик и смущенно вытер ладонью губу. Я начал потихоньку закипать.

– Знаешь, я просил Милли привести тебя в зал, чтобы ты научился защищаться. Но это займет какое-то время. А пока я хочу знать: тебя кто-то достает в школе?

Мальчик даже на меня не смотрел.

– Генри? Чью задницу мне нужно надрать?

- Ты не можешь.
- Чего не могу? Надрать зад великану? – тихо произнес я, вспоминая нашу завуалированную беседу.
- Не великану. Девочке, – прошептал Генри.
- Девочке?! – Я был бы менее удивлен, если бы он сказал, что это Милли его избил.
- Моя подруга.
- Я покачал головой:
- Это вряд ли. Друзья не используют тебя как боксерскую грушу.
- Генри покосился на меня, многозначительно вскинув брови. Туше.
- Ну, по крайней мере, если ты сам их об этом не просишь, – исправился я, думая обо всех друзьях в зале, которые регулярно делали из меня отбивную.
- Что ты сделал? – спросил я, пытаюсь понять. – Ты чем-то ее расстроил? Или она просто задира?
- Я сказал ей, что она похожа на борца сумо, – тихо ответил он.
- Так и сказал?! Ох, Генри... Только не это...
- Мне потребовалась вся сила воли, чтобы не рассмеяться. Я даже прикрыл рот, чтобы Генри не заметил, как у меня подрагивают губы.
- Тот выглядел абсолютно подавленным.
- В Японии борцы сумо считаются героями! – настаивал мальчик.
- Генри-и-и, – простонал я. – Она тебе нравится?
- Он кивнул.
- Круто. И почему?
- Борцы сумо очень сильные.
- Чувак, да ладно тебе! Эта девочка нравится тебе не потому, что она сильная!
- Генри изобразил недоумение.
- Стоп. Или поэтому?
- Теперь пришла моя очередь недоумевать.
- Среднестатистический сумоист весит больше ста восьмидесяти килограммов. Они огромные.
- Но она не огромная, ведь так?
- Нет.
- Она похожа на борца сумо?
- Генри покачал головой.
- Нет. Но она большая... может, больше остальных девочек? – допытывался я.
- Он кивнул. Ладно, мы подбирались к истине...
- Значит, она ударила тебя, когда ты сказал, что она похожа на борца сумо.
- Снова кивнул.
- Поставила тебе синяк и разбила губу.
- Генри еще раз кивнул и слабо улыбнулся, словно чуть ли не гордился ею.
- Зачем ты это сказал, Генри? Ей это определенно не понравилось.
- Даже не представляю, какая девушка могла бы посчитать это комплиментом.
- Генри, явно разозлившись, сцепил челюсти и сжал волосы в кулаках.
- Сумоисты крутые! – воскликнул он.
- Приятель, я все понимаю. Общаться с девочками очень сложно. Я только и делал, что ляпал глупости, когда впервые провожал Милли домой. Повезло, что она меня не избил.
- Амелия не борец! – Генри немного посмеялся, отпустил волосы и сделал глубокий вдох.
- А вот в этом ты ошибаешься. Она борец. Просто другого типа.
- Мы оба замолчали на минуту, обдумывая эти слова.

– Она м-мне н-нравится, – грустно произнес с заиканием Генри, будто это простое предложение далось ему труднее, чем целая череда спортивных фактов. Может, так оно и было.

– Потому что она сильная, – повторил я, надеясь, что он что-нибудь добавит.

– Да.

– Она хорошо к тебе относилась? В смысле до того, как ударила тебя в лицо.

– Да, – Генри яростно закивал. – Как телохранитель.

– Она присматривала за тобой?

Снова кивнул.

От облегчения у меня закружилась голова, и я рассмеялся.

– Значит, никто – ни великаны, ни качки – не донимает тебя?

Генри медленно покачал головой.

– Прости, – прошептал он. – Я все испортил.

– А я помогу тебе все исправить, приятель, – внезапно выпалил я, переключая передачу и отъезжая от тротуара.

Генри пристегнулся, словно готовился к захватывающим гонкам.

Я заехал на школьную парковку, выключил двигатель и вышел из машины. Генри уставился на меня круглыми глазами.

– Пошли, Генри. Я помогу тебе уладить ссору с подружкой. Вперед, живее!

Он пошел рядом со мной, держась за лямки рюкзака так, будто планировал десантироваться с самолета. Его лицо помрачнело.

– Ты справишься, Генри, – подбодрил его я.

Он кивнул, но его глаза смотрели строго вперед. Некоторые пялились на нас, но в коридоре было полно детей, и в основном в нашу сторону глазела только женская половина. Мне бы это польстило, вот только все выглядели лет на четырнадцать, особенно парни. Странно. Я себе казался таким крутым в старшей школе. Думал, что выгляжу как настоящий мужик! Эти же дети выглядели так, будто все еще тайком сосут палец.

Внезапно Генри остановился, и я положил руку ему на плечо. Его так трясло, что все тело вибрировало. Он показал на девочку, стоящую в одиночестве у ряда красных шкафчиков.

– Это она? – спросил я.

Он кивнул, не сводя с нее взгляда. Я с трудом подавил смешок. Девочка оказалась совсем не крупной. Но *японкой*.

Она была низенькой и, возможно, немного пухленькой, но в основном все ушло в грудь, что многое мне рассказало о предпочтениях Генри. Он подошел к ней, его взгляд метался от ее головы к моему лицу. Мальчик явно был в отчаянии.

Девочка уставилась на меня и вызывающе вскинула бровь. В брови была череда колец, в носу – крошечный камешек, и еще два кольца в нижней губе. Уши же сверкали как елка от обилия стразов.

– Я – Таг Таггерт, – я протянул руку и улыбнулся так, чтобы показать ямочки. Эта улыбка всех подкупала.

– Аюми Нагахара, – ответила она, тоже протягивая свою крошечную руку. Я чуть не рассмеялся. Ее голос был невероятно милым и высоким.

Я быстро пожал ее ладонь, а затем скрестил руки на груди и посерьезнел.

– Ты нравишься Генри. Он считает тебя крутой и только о тебе и говорит.

Ее брови подскочили вверх, но ее явно больше удивило то, что Генри доверил мне свои чувства, а не то, что она ему нравится.

Девочка на минуту перевела взгляд на Генри, и ее лицо смягчилось. Тот же уперся лбом в шкафчик, словно от всей этой беседы ему стало дурно.

– Ему очень жаль, Аюми. Он не пытался сказать, что ты похожа на сумоиста. Генри пытался сказать, что уважает тебя, как японцы своих борцов.

Генри яростно закивал, ударяясь головой о шкафчик. Я закинул руку ему на плечи и отодвинул назад, чтобы он ненароком не вырубил сам себя.

– Тем не менее он считает тебя сильной. Ты определенно умеешь работать кулаками.

Я многозначительно посмотрел на лицо Генри, и Аюми стала красной, как помидор. Вряд ли эта тема нуждалась в дальнейших обсуждениях. Я лишь надеялся, что в следующий раз она хорошенько подумает, прежде чем превращать в лепешку бедного Генри. Девочка или нет, но людей бить нельзя. Особенно таких, как Генри.

– И если вдруг захочешь потусоваться с «Командой Тага», со мной и Генри, приходи в любое время. Друг Генри – мой друг.

– Хорошо, – пропищала она, и я попытался представить ее достаточно разъяренной, чтобы начать размахивать кулаками. Должно быть, Генри всерьез ее взбесил.

Прозвенел звонок, и Генри подпрыгнул. Дети захлопнули шкафчики и начали расходиться по классам.

– Генри, увидимся завтра в зале после уроков, ладно?

Он улыбнулся и кивнул. К его лицу вернулся цвет, а хватка на лямках рюкзака ослабла.

Я взъерошил ему волосы, по-мужски приобнял одной рукой и, уходя, услышал, как он щебечет о моем списке наград своей подруге.

– Давид «Таг» Тагерт, претендент на чемпиона в полутяжелом весе с послужным списком из восемнадцати побед, двух поражений и десятью нокаутами...

* * *

– Ты не можешь содержать Генри на зарплату танцовщицы, – сказал я.

Даже несмотря на повышение. Я снова провожал Милли домой после работы, как делал уже две недели. Я так и не нашел замену Моргану и по-прежнему проводил слишком много времени в баре. Но мне все равно – и причина тому идет рядом.

– Нет. Но к счастью для нас, мама все хорошо спланировала. У нее был полис страхования жизни, и дом полностью принадлежал ей. Ее семья владела им целую вечность. Да и отец отдал ей приличную сумму денег... возможно, ты слышал о нем. Андре Андерсон? Он играл за «Сан-Франциско Джайентс» – игрок первой базы. Я не знаю, чем он сейчас занимается.

– Черт меня побери! – удивленно воскликнул я. – Я помню его.

Амелия кивнула:

– Мы считаем, что именно поэтому Генри так заиклился на спорте. Ему было всего пять, когда отец ушел из семьи. Знаешь, как игроки изучают записи матчей? Вот и Генри делает так же. У мамы были диски с играми и репортажами папы – со всеми, которые ей удалось добыть. Генри смотрел их днями напролет. До сих пор смотрит. Может процитировать все иннинги⁹! Безумие, и только!

– Так зачем ты танцуешь?

Я не собирался об этом спрашивать. Вопрос просто сорвался с моего языка, как обычно. Если во мне зарождалась какая-то мысль, в конце концов она поднималась по моему горлу и срывалась с уст.

– Зачем ты бьешь людей? – парировала Амелия.

Я даже не пытался защищать спорт. Я действительно бил людей. Это мое основное занятие и глупо что-то отрицать.

– Я боролся всю свою жизнь.

---

⁹ Иннинг – это часть бейсбольного матча, в которой команды поочередно играют в защите и нападении. Иннинг состоит из двух фреймов. Таким образом, каждая команда играет одинаковое количество раз в обороне и в атаке. Всего бейсбольная игра состоит из девяти иннингов.

– Всю жизнь? – с сомнением переспросила Амелия.

– С одиннадцати лет, – исправился я. – Я был добродушным толстым мальчиком, над которым все смеялись. Мальчиком, которого дразнили другие дети. А я все отшучивался, пока в один день меня это не достало, и мое добродушие не сменилось воинственностью.

Амелия тихо рассмеялась, и я продолжил:

– В тот день я использовал кулаки и всю злость, которая копилась пять долгих лет с тех пор, как Лайл Колсон сказал, что я слишком толстый, чтобы поместиться за парту в детском саду. Не важно, что он был прав. Я действительно не помещался за парту, но это только подпитывало мою злость. Мы сильно повздорили. Я победил только потому, что навалился на Лайла, придавил его тощие ручонки своим телом и наорал в его злобное красное лицо. Меня впервые вызвали в кабинет директора и отстранили за драку. Но Лайл Колсон больше никогда меня не доставал. Я понял, что мне нравится драться. И у меня хорошо это получается.

– Ну, вот ты и сам ответил на свой вопрос, – Амелия пожала плечами. – Мы не такие уж и разные. Мне нравится танцевать. И у меня хорошо это получается.

– Мне не нравится, что ты танцуешь в баре.

Амелия рассмеялась – это был внезапный звонкий смех, от которого в морозный воздух поднялось белое облачко. Я восхищенно взглянул на ее поднятое вверх лицо, хоть и знал, что сейчас будет выговор. Но, в конце-то концов, это мой бар. Я ее начальник. И это мой чертов пилон!

– И что именно тебе не нравится? Давид Таггерт, неужели ты ханжа? Да нет, я знаю, что ты не такой.

Она улыбалась, но не мне, в отличие от остальных женщин. Амелия смотрела строго вперед, на все и ничего, и в моей груди зазвенел тревожный звоночек. Она никогда не улыбнется мне, как другие женщины. Нормально ли я к этому отношусь? Если нет, мне нужно убраться от нее подальше. А то я начинал переходить на личности.

– Нет, конечно. Ну, ты же понимаешь, что я имел в виду. Почему ты танцуешь в накуренном баре, кружишься на пилоне в одном исподнем, когда за это платят гроши? Ты, Амелия, девушка старомодная, а вот танцы на пилоне – не очень.

Отступать не в моем стиле.

Ее улыбка испарилась, но Амелия не выглядела рассерженной. Она замерла, вытянув трость, будто прогуливалась с воображаемым питомцем. Затем подняла ее и резко постучала по бордюру.

– Видишь эту трость?

Я кивнул, но затем вспомнил, что она меня не видит.

– Да.

Амелия постучала ею по моему плечу.

– Слепота идет в наборе с тростью. Не с милым золотистым ретривером. С тростью. Но она дает мне возможность пройти по улице самостоятельно. Я могу дойти до магазина. Могу пойти в школу, на работу, в кино, ресторан. Без чьей-либо помощи. Для меня эта трость олицетворяет свободу.

Амелия сделала глубокий вдох, а я задержал дыхание.

– Наверное, я просто заменила трость пилоном. Когда я танцую – всего пару часов несколько раз в неделю, – то живу своей мечтой. Даже несмотря на то, что ты видишь это иначе. Ты прав, маме бы это не понравилось. Но ее нет рядом. Я должна принимать собственные решения.

Амелия замолчала и замерла в ожидании, наверное, думая, что я начну спорить. Когда я не сказал ни слова, она продолжила:

– Раньше я занималась танцами и гимнастикой. Делала прыжки и пируэты. Я все могла, и мне не нужен был пилон. Когда-то я без проблем ходила по улице, бегала с друзьями и жила

без трости. Но теперь это невозможно. Пилон значит, что я по-прежнему могу танцевать. Мне не нужно зрение, чтобы выступать в той клетке. Если это значит, что я не старомодная, будь по сему. Это крошечная частичка мечты, которой мне пришлось пожертвовать. Но лучше уж частичка мечты, чем вовсе никакой мечты.

Вот черт. Что ж, это логично. Я снова закивал, но на этот раз все же выдавил:

– Ладно, Милли. С этим я уж точно не могу поспорить.

– Так теперь я Милли?

– Ну, мы уже выяснили, что ты девушка не старых нравов, – подразнил я, и ее смех снова раскатился по тихой улице, словно далекий звон церковных колоколов. – Имя Амелия подходит для аристократки, а Милли более приземленное. Девушке по имени Милли не стыдно дружить с парнем по имени Таг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.